
18+
Волшебство воспоминаний
сборник прозы и поэзии

Татьяна Кузнецова

Волшебство воспоминаний. Сборник прозы и поэзии

«Издательские решения»

Кузнецова Т.

Волшебство воспоминаний. Сборник прозы и поэзии /
Т. Кузнецова — «Издательские решения»,

В сборник вошли прозаические и поэтические произведения 35 авторов, среди которых опытные творцы и начинающие писатели. Под яркой обложкой собраны стихи и рассказы, окутанные теплом воспоминаний о детстве и юности, пронизанные светом первой любви и любви к своим корням, к родным сердцу местам. Книга станет вашей машиной времени, проводником в загадочный мир местных и городских легенд, поможет ощутить вкус ностальгии и почувствовать связь со своей «колыбелью» — селом, городом, краем.

© Кузнецова Т.
© Издательские решения

Содержание

Слово редактора 7
Жанна Николаева 8
Индус 9
О чём помнят кипарисы с озера Сукко 11
Стрела Бату-хана 14
Ольга Маратканова 17
Чужая тётя 18
Привет, берёзка! 21
Когда не все дома 23
Совершенно секретно 28
Олеся Бородина 30
Как я стала шаманкой 31
Как шаманка себе ученицу искала 35
Как маленькая девочка и старик стойбище спасли 39
Ольга Сологубова 42
Сормовское детство 43
Малаховское озеро 45
Диво дивное 47
Донат Петрович 50
Семён Бублик 52
Батя 53
Сёмка с мамой и грибники 54
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Волшебство воспоминаний
Сборник прозы и поэзии

Авторы: Адаменко Светлана, Кованова Анна, Либераэль Анна, Вахова Вера, Аболишина Елена, Луканкина Елена, Орлова Елена, Николаева Жанна, Леонтьева Ксения, Грачик Лилия, Украденная Ветром, Докучаева Людмила, Чалян Мелина, Бутяновская Надежда, Уфимцева Надежда, Лазарева Наталия, Медведева Наталья, Тим Тарис Диана, Бородина Олеся, Белкина Ольга, Бузницкая Ольга, Васильева Ольга, Жизньпрекрасна Ольга, Маратканова Ольга, Сологубова Ольга, Чернова Ольга, Галиновская Римма, Белик Светлана, Бублик Семён, Вербицкая Татьяна, Воловик Татьяна, Кипарис Татьяна, Кузнецова Татьяна, Великанова Юлия, Марьенков Юрий

Редактор Елена Дулицкая
Редактор Жанна Николаева
Корректор Жанна Николаева
Составитель Светлана Адаменко
Дизайнер обложки Светлана Адаменко

© Светлана Адаменко, 2026
© Анна Кованова, 2026
© Анна Либераэль, 2026
© Вера Вахова, 2026
© Елена Аболишина, 2026
© Елена Луканкина, 2026
© Елена Орлова, 2026
© Жанна Николаева, 2026
© Ксения Леонтьева, 2026
© Лилия Грачик, 2026
© Украденная Ветром, 2026
© Людмила Докучаева, 2026
© Мелина Чалян, 2026
© Надежда Бутяновская, 2026
© Надежда Уфимцева, 2026
© Наталия Лазарева, 2026
© Наталья Медведева, 2026
© Диана Тим Тарис, 2026
© Олеся Бородина, 2026
© Ольга Белкина, 2026
© Ольга Бузницкая, 2026
© Ольга Васильева, 2026
© Ольга Жизньпрекрасна, 2026
© Ольга Маратканова, 2026
© Ольга Сологубова, 2026
© Ольга Чернова, 2026
© Римма Галиновская, 2026
© Светлана Белик, 2026
© Семён Бублик, 2026
© Татьяна Вербицкая, 2026

© Татьяна Воловик, 2026
© Татьяна Кипарис, 2026
© Татьяна Кузнецова, 2026
© Юлия Великанова, 2026
© Юрий Марьенков, 2026
© Светлана Адаменко, составитель, 2026
© Светлана Адаменко, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-8283-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слово редактора

Здравствуйте, дорогие читатели.

У вас в руках не просто книга. Это разговор о том, что мы помним и любим. Это третий выпуск ставшего уже традиционным сборника стихов и прозы от литературного сообщества «Перо и Чернильница».

В каждом сборнике появляются новые имена, но есть и авторы, которые остаются с нами и продолжают радовать своими произведениями. По традиции «Пера и Чернильницы» под одной обложкой собрались опытные авторы и новички не только из всех уголков России, но и из-за её пределов.

Произведения, как и авторы, очень разные: проза и стихи, детектив и мистика, лирические зарисовки и остросюжетные истории.

Здесь воспоминания о родительском доме и родном городе или деревне; о детских приключениях и бабушкиных пирожках; о деревьях у дома и первом в жизни закате.

Здесь авторские легенды, которые, возможно, станут такими же любимыми в родных местах.

Но у всех авторов есть нечто общее — большая любовь к своей малой родине, к истории, людям и легендам родного края.

Сквозь страницы проходит тёплое, уютное, знакомое каждому чувство ностальгии, кем бы ни были герои произведения — прославленный генерал, любимая бабушка или юноши, обезвредившие браконьеров.

Многие авторы постарались в стихах выразить любовь к родному краю, отчему дому и любимым близким людям своего детства. И пусть не все стихи безупречны, но все написаны с любовью и гордостью за свой край, за людей, которые творили его историю.

Истории сборника вернут вас в детство или юность, заставят вспомнить ваши события и образы, приключения и детские шалости, охоту за привидениями и первую любовь.

В заключение искренне благодарю всех авторов, доверивших мне работу со своими текстами. Это непередаваемо — чувствовать в каждой строке живую душу!

Самых приятных минут при чтении нашего сборника!

Редактор сборника Елена Дулицкая

Жанна Николаева

Настоящее имя — Снежана Николаева. Уроженка города Пензы. Член редколлегии литературного сообщества «Перо и чернильница». Филолог, писатель, педагог, мама. Последнее можно считать самым большим жизненным достижением… Окололитературные интересы: история, театр, кино. Очень люблю заниматься рукоделием, правда, не профессионально: в последнее время интересуюсь изготовлением рукотворных блокнотов. В планах создание рукописной книги и книг с бумажными куколками для детей… и не только!

Индус

Его все называли — индус. Хотя, конечно, на самом деле он был вовсе не индусом, а индейцем. Вождём краснокожих.

Он висел на стене в бабушкиной квартире, куда меня в детстве время от времени отправляли погостить. Выглядел тяжёлым, бронзовым, хотя на самом деле оказался гипсовым — но всё равно тяжёлым.

В советское время были популярны такие предметы интерьера — как, впрочем, и сами индейцы. Спина у индуса плоская, чтобы хорошо прилегала к стене, а лицо и торс — рельефные, реалистичные. Ног не было — торс завершался набедренной повязкой. На голове у него красовался роскошный убор из перьев — истинный вождь. Не могу сказать точно, как называется такая фигура — барельеф не барельеф, бюст не бюст… Как-то нашла на просторах интернета подобного индейца с обозначением «настенная маска». Ну пусть так.

Индуса привёз из Москвы ещё в советские годы московский дядя — ему подарил какой-то товарищ, а он, в свою очередь, забрал на родину и подарил младшей сестре — моей маме. Так на долгие годы индус обосновался у бабушки: выйдя замуж, мама уехала, а его с собой не взяла. Сперва индус висел в большой комнате на стене сбоку от дивана, потом переехал на самое видное место — на стену напротив входа в комнату.

В детстве я его побаивалась. Он казался мне таким сильным, у него были такие могучие мускулистые руки, сложенные на широкой груди… Он был такой серьёзный — безулыбчивое бронзовое лицо с орлиным носом смотрело на меня сверху с пристальным вниманием: индус будто видел всё насквозь, что я натворила не очень хорошего, и молчаливо осуждал мои проказы.

Потом, когда я подросла и увлеклась индейцами, моё отношение к индусу изменилось. Я перестала его бояться, и он даже стал мне нравиться.

Сила его больше не пугала, а наоборот вызывала восхищение, неизменная строгость и серьёзность бронзового лица — уважение.

Он был красив — не красотой, а мужеством, как и положено настоящему воину.

Как-то раз, навестив бабушку, я выразила заинтересованность индусом, после чего он, к моей радости, был мне отдан насовсем.

Я ещё всё время шутила, что это моё наследство: шутка была немного грустная, и понимала её, наверное, только я одна — ничего более ценного, чем индус, в наследство я не получила.

Индус достался мне уже постаревший и местами обколотый, на бронзовой коже зияли светлые гипсовые раны. Я отдала его подруге Юле, которая в ту пору увлекалась фигурками из гипса: Юля выполнила грунтовку, залечила открытые раны индейского вождя, заново покрыла его бронзовой краской и залакировала. Индеец помолодел и стал совсем новенький!

Потом я вышла замуж и, уезжая из родного города, забрала индуса с собой.

В квартире, где мы жили, планировка повторяла квартиру бабушки, и я поместила индуса на то же место — на самую видную при входе стену. Мой муж, человек верующий, спорил со мной, что индеец не должен висеть выше, чем иконы. Иконы в итоге разместили на другой стене под самым потолком, индеец же занял торчащий в стене гвоздь над книжной полкой — гвоздь этот был неизвестно кем вбит в аккурат на том же месте, которое отводилось индусу в бабушкиной квартире, то есть наш вождь, по большому счёту, ничего не потерял.

Потом одно время мы жили в частном доме, дом был маленький, и все вещи распределить по местам не удалось. Поэтому я убрала индуса в большую розовую круглую коробку, в которой родственники преподнесли подарки моей новорождённой дочке, для амортизации обложив его

мелкими предметами одежды, и убрала в самый низ старинного раннесоветского шкафа, позже заложив эту коробку другими вещами.

В том доме нам довелось пережить пожар. Я, такая привязчивая к старым вещам и хранившая всю жизнь свои детские игрушки и книжки, какие-то вещи, подаренные мне друзьями либо доставшиеся от бабушек-дедушек или же напоминавшие о каких-то периодах жизни, испытывала колоссальное чувство утраты, воспринимая уничтоженные огнём вещи как погибших живых существ, старалась не думать, не вспоминать о том, что сгорело в доме и чего я больше никогда не увижу… Хотя время от времени они вдруг вспоминались — предметы одежды, детские игрушки, книги, сувениры, мои поделки — и всякий раз мысленно меня потрясало восклицание: и этого тоже больше нет!..

Когда пепелище разобрали, в числе немногих уцелевших предметов ко мне возвратился индус. Из огня он вышел целиком ободранный, но живой — как подобает настоящему индейцу.

Никогда раньше я не видела его в таком плачевном состоянии: вся Юлина бронзовая краска сошла вместе с лакировкой, оставив лишь шершавый серый гипс. Однако мужественный индус был весь целый, ни одна часть его тела не пострадала. Его, должно быть, спасла моя упаковка. Огонь уничтожил старый шкаф, оставив лишь нижний ярус, где хранился индеец. Картонная коробка и окружавшие его тряпки не выжили, сохранив, однако, ему жизнь.

Ну и, конечно, индус был твёрже, чем окружавшие его в шкафу предметы, а значит — более устойчив к огню… Как стойкий оловянный солдатик.

Я снова отдала индуса Юле, чтобы она подлечила его, и на сей раз Юля отложила дело в долгий ящик: она очень занятой человек. Я, однако, не переживаю, потому что индус в надёжных руках, но иногда скучаю по нему. Между прочим, Юля обещала отдать мне второго такого же индейца, только цветного, раскрашенного (мой-то был однотонный, просто бронзовый): ей кто-то подарил, когда разбирал старые вещи…

О чём помнят кипарисы с озера Сукко

Недалеко от Анапы лежит живописное озеро Сукко. Пишут, что оно искусственного происхождения. Не знаю, кто и зачем его создал, но там действительно красиво. Изумрудная вода изогнувшейся кошкой лежит в берегах, а вокруг неё выгибают покатые спины сине-зелёные лесистые горы. На дальнем конце озера прямо из воды растут, приподнимая над болотистым дном мощные, почти фэнтезийные корни, причудливые толстоствольные кипарисы: местами к ним можно подойти по оголившемуся от воды дну и сфотографироваться.

Анапа никогда не была моей малой родиной, более того — я бывала там всего дважды. Но это озеро навсегда вклеено в киноленту моей жизни как один из самых светлых, наполненных радостью кадров.

Ведь там, на озере — как это водится, случайно, — мы познакомились. Ты вошёл в мою жизнь ненадолго, чтобы затем исчезнуть навсегда… Твой след же навечно остался в душе и памяти.

Мы гуляли по сухой пыльной дороге сквозь жёсткий южный лесок вокруг озера или сидели на бледном, почти белом песке пляжа, разговаривая ни о чём, как обычно говорят недавно познакомившиеся люди: а как у вас? а у нас вот так… Ты впервые оказался в России: приехал работать по контракту с далёкого жаркого континента. По-русски не говорил, зато свободно владел английским и французским. Французского не знала я, потому общались по-английски. Если я делала какие-то ошибки в словах, ты иногда, немного учительским тоном, меня поправлял, и я охотно исправлялась.

— Жарко? (Is it hot?) — между делом спросила я, раздетая почти до купальника, опуская босые ступни в обжигающий пляжный песок.

— Жарко?! (Hot?!) — ты посмотрел на меня так, будто я над тобой смеюсь, и поправил рубашку. — Холодно… (It is cold…)

Только тогда я заметила, что, кроме рубашки нараспашку, на тебе ещё и футболка… С утра пробежал небольшой дождичек, слегка увлажнив воздух, после чего жара, однако, сделалась ещё душнее. Мне стало смешно: выходит, у вас там ещё жарче…

Ты занимался музыкой. Гуляя вдоль озера и улавливая какую-либо мелодию из плеера встречных туристов, которые глазели на нас с неизменным любопытством и удивлением, ты иной раз со знанием дела замечал:

— Cool song…

У меня музыкальные вкусы, наверное, другие или же я не разбираюсь в музыке настолько тонко, насколько ты, а потому мне не оставалось ничего, кроме как соглашаться. Однажды я попросила тебя спеть что-нибудь. Ты отказался, ответив, что вам это запрещено — только на выступлениях… Потом всё же, отозвавшись на мои воспоминания, напел строчку или две из Джо Дассена… Да, голос у тебя действительно оказался сильный и чистый, чем окончательно покорил меня, никогда не умевшую петь.

На протяжении тех немногих дней, что я отдыхала в Анапе, я приезжала на озеро, чтобы встретиться с тобой. Ради этих встреч ты пропускал репетиции, постоянно отпрашивался, вызывая недовольство начальства.

Ты говорил, что любишь меня, а я отвечала, цитируя мою маму, что это просто «first impression» — первое впечатление… Ты был немного моложе меня, но, находясь рядом с тобой, я чувствовала себя так, будто ты меня старше: серьёзный, я бы сказала — бесхитростно неотёсанный, ещё не испорченный цивилизацией и сытой европейской жизнью, имеющий цель в жизни и чёткие принципы, внутренне независимый… И при всём при этом очень, искренне эмоциональный. Почему-то с тех пор я утвердилась в мысли, что российские мужчины иные — более инфантильные и менее мужественные, что ли… Мне было легко и интересно с тобой,

хотя общих тем, по большому счёту, не было. Было хорошо как вести эти незначительные разговоры, так и просто молчать, сидя рядом на берегу.

Однажды ты шутя приблизил свою жилистую, гладкую и сильную руку к моей, словно примерив от локтя до кисти: рядом с твоей — цвета густого тёмного шоколада — рукой моя, даже хорошо покрытая солнечным южным загаром, казалась белой, — и, грустно усмехнувшись, пробормотал:

— Difference…

Я засмеялась. Конечно, difference. А чего ж ты хотел?

Однажды, когда разговор наш стал серьёзным, ты проводил взглядом стремительно опускающееся за горы, обжигающее вечернее солнце, и оно, переливаясь рыжей медью, вызолотило твой профиль — я, взглядом художника, обратила внимание на то, что он совершенно африканский: с крутым покатым лбом, толстыми губами и коротким носом… Отблеск огненных лучей отразился и в больших влажных глазах, от чего они казались ещё чернее, ещё глубже и ещё больше…

Это было красиво.

Ты планировал остаться на зиму и один раз обмолвился, что ждёшь снега, потому что никогда не видел его. Я — первая реакция — удивилась:

— Никогда не видел снега?..

А потом до меня дошло и стало даже как-то неловко за моё удивление: ну конечно, откуда же снег в Африке?

В первый день знакомства ты спросил разрешения поцеловать меня, и — неожиданно, вопреки моим моральным установкам — я согласилась. Никогда, ни прежде, ни после, никакой поцелуй не был так приятен, как тот поцелуй твоих больших, мягких, смелых губ. Я вообще не люблю целоваться: в жизни это обычно оказывается далеко не так красиво и классно, как показывают в фильмах. Тогда, в жёсткой южной рощице на берегу Сукко, пожалуй, единственный раз в моей жизни было иначе.

Вообще те дни принесли много небольших и почти по-детски счастливых моментов: разгадывать твои смс-ки, где ты иной раз непроизвольно смешивал английские слова с французскими, фотографироваться, когда ты для кадра отработанным движением ловко подхватывал меня на руки, ловить какие-то фразы, в которых ты — не всегда охотно, впрочем — рассказывал о родине…

Потом я ещё какое-то время наблюдала за твоей страничкой в интернете (оказалось, что ты меня немного обманул, и наша разница в возрасте была чуть больше, чем я думала, — но по-прежнему в мою пользу), изредка обмениваясь с тобой сообщениями.

Самой душевной была фотография, которую ты выложил после того, как снег, наконец, выпал: со счастливым лицом ты держал в обеих перчатках по белой холодной горсти, а из-под шапки твоей торчали не уместившиеся дреды.

…Когда мой давний друг предложил выйти за него замуж, я отказалась — хотя, в общем-то, морально была готова к такому шагу: не сказать, что любила, но человек был надёжный, со всех сторон положительный и давно проверенный, плюс интересами и характером мы неплохо сходились…

Но теперь мне — в первый и последний раз, наверное, за всю жизнь — довелось узнать, что такое та самая романтичная любовь, о которой обычно мечтают девочки и девушки. После этого брак по благоразумию, не говоря уже о браке по расчёту, был мне неинтересен…

…Тебя потом депортировали обратно на родину — как я поняла, присущая тебе непокорность и готовность бороться за себя привели-таки к тому, что ты поссорился со своим русским начальником. Больше я тебя не видела, и ты не давал о себе знать. Я не следила за твоими страницами в интернете: почему-то было боязно узнать, что женился…

Не знаю, вспомнишь ли ты меня сейчас, да и нужно ли это, но — я тебя помню… Как и ту короткую яркую мелодраму, которая, оказывается, тоже изредка случается в жизни.

Как и озеро Сукко с его гористыми берегами и кипарисами. Правда, я никогда туда больше не ездила и не поеду, наверное, уже никогда — ведь молчаливые кипарисы, так же как изумрудная вода и почти белый песок, хранят воспоминания…

И тайны…

Стрела Бату-хана

…В ту осень Бату-хан надолго задержался в землях мокшанцев, в лесах, населённых мещёрой. На пути его стоял древний, могучий город Серня, за которым открывались ворота в край русичей. Иного пути не было. Дик и бездорожен край мокшанский, со всех сторон к городу подступают топи, болота и дремучие, непролазные лесные дебри…

Сказочно богат город Серня — стоит он на Великом Шёлковом пути из Руси в Булгарию. Оседают здесь богатства со всех сторон света, в достатке живут его обитатели, на тяжёлые замки закрывают свои — даже небольшие — дома: у них есть что взять. Ходят легенды, что мокшанский город битком набит золотом: недаром местные народы дали ему такое имя: Серня — «золотой».

Бату-хану не было корысти уничтожать город. Гораздо дальновиднее было бы забрать его богатства.

Ещё до того, как подойти к бревенчатым стенам Серни, хан, как всегда, по своему обычаю, отправил послов к сернийскому князю с предложением сдаться в обмен на сохранность города и человеческих жизней…

Князь, имя которого, увы, не сохранилось в грядущем сернийском пожаре, ответил решительным отказом.

На то у него были личные причины.

Князю было известно, что города, покорившиеся доброй волей, ордынцы хотя не уничтожают, но щедро и беззастенчиво грабят, унося всё, до чего смогут добраться; кроме того, в ордынский плен попадают самые красивые женщины.

У последнего правителя Серни была дочь — юная княжна невероятной красоты. За неё-то и опасался бесстрашный князь: соседние властители не раз покушались на похищение красавицы, предлагали князю выгодный брак, военный союз, даже деньги в обмен на красоту его единственной дочери. Не соглашался на это князь. Главной его целью было подыскать для дочери хорошего, надёжного, сильного мужа, который смог бы обеспечить ей достойное будущее и уберечь от покорённых её красотой диких средневековых притязателей… Сомнений в том, что слухи о главной жемчужине Золотого города дошли до ордынского хана гораздо раньше, чем копыто его степного коня ступило на мокшанскую землю, у князя не оставалось.

…Статна, льняноволоса княжна, белокожа, голубоглаза. Такие — северные — женщины высоко ценились смуглыми коренастыми степняками. Нет, не мог сернийский князь отдать Бату-хану дочь в обмен на город…

Он ответил отказом.

Город его хорошо подготовлен был как к обороне, так и к длительной осаде: стояла поздняя осень, урожай недавно собран, городские хранилища ломились от щедро уродившегося в тот год зерна. Город представлял собой сложное по тем временам фортификационное укрепление с несколькими рядами защищённых стен. Князь был уверен, что сможет выстоять. Кроме того, ещё свежа память о разгроме мокшанцами монгольских отрядов несколько лет назад, после битвы на Калке-реке, и сернийский князь, составив тогда для себя представление о монгольских воинах как о плохо подготовленных к битве дикарях, не думал о том, что теперь к стенам его города подступает мощный, страшный недруг, представлявший собой маховик смерти…

…Первый снег, хрустя под копытами степных ордынских лошадок, присыпал топи и овраги лесного края, рассеяв в остывающем воздухе влажную прохладцу и неуютность, какие обычно бывают перед зимой… Великий хан, в островерхой войлочной шапке, отороченной лисьим мехом, и остроносых войлочных сапогах, в лисьей шубе, поверх которой его коренастый, широкоплечий и широкогрудый торс плотно облегался пластинчатым доспехом, щуря и

без того узкие глаза от белого порошка, ненавязчиво летящего с мутного неба, взирал на город — как обычно, с высоты конского седла, с вершины соседнего холма: традиционно своих рук он не кровавил — всю грязную, дикую, жуткую ратную работу выполняли его люди, задача же полководца была — наблюдать…

Он молча очертил долгим взглядом крепкие бревенчатые крепостные стены города, высившиеся с рукотворных земляных валов меж двух оврагов, по дну которых бежали ручьи, создавая естественный ров вокруг крепости…

Хан не любил лесов, молчаливыми исполинами-богатырями взявших в окружение его немалое войско, казавшееся перед ними — таким маленьким. Не любил топей, то и дело липко хватавших за ноги его выносливых степных лошадок. Не любил надвигавшуюся зиму — особенно холодную и сырую здесь, в густых лесах… хотя она давала питьевую воду людям и лошадям и ледовые дороги по замёрзшим рекам через эти дикие, не желавшие покоряться края… Там, за городскими воротами, плотно запертыми и затаившимися сейчас, его ожидали несметные богатства, открытый путь на запад и — если повезёт — белёсая северная княжна…

Бату-хан дал знак нукеру — тот проворно и беспрекословно приволок лук и колчан со стрелами — личное оружие хана. Из скопища стрел, которые все сплошь имели золотые наконечники, Бату выбрал одну наугад и, возложив на тетиву, навёл лук на деревянную башню княжеского дворца… Это был единственный выстрел, совершённый монгольским ханом лично. Стрела вонзилась аккурат в оконную раму, закачавшись белёсым оперением… Восемь столетий спустя пензенские историки и археологи раскопают эту стрелу с золотым наконечником среди пепла и праха города Серни — среди залежей зерна, запёкшегося в колоссальном пожаре, среди обломков проржавевших стрел и прочих печальных находок — останков, скорбно повествующих о том, что некогда здесь, в этом гиблом зловещем месте, кипела жизнь…

Это было последнее предупреждение Бату-хана — последнее предложение мира…

***

— Поступи так, как велит твоё сердце, великий хан, — негромкий голос советника звучал лисьей, чисто азиатской вкрадчивостью, словно шелест сухой ноябрьской травы на холодном ветру. — Одна красавица нам не досталась… Так можно взять взамен другую… Она тоже знатного рода… А убить её ты властен в любой момент — это зависит только от твоей ханской воли…

Советовать хану в личном было опасно. Однако хитрый советник, за долгие годы хорошо изучивший своего сурового и жестокого покровителя, который, хотя и бывал, возможно, в чём-то хитёр, но всё же рождён воином, а не дипломатом, умел выбрать момент. Наблюдая за ханом, в тёмной степной душе которого совершался сейчас, быть может, самый мучительный в его жизни выбор, советник подлил масла в огонь, подсказав неплохой, в общем-то, выход…

…Жестокое солнце ярко бежало в пламень заката — навстречу своей погибели. Калёный звенящий воздух пропитался запахом железа и крови, предсмертными криками, стонами умирающих и страшными звуками отгоревшего боя.

Перед Бату стоял осиротевший Наручадь-город — тоже не пожелавший сдаваться. Склон крепостного вала и мёрзнущие поля далеко окрест усеялись телами полёгших защитников — вперемежку с телами его солдат, не знавших ни жалости, ни трепета смерти. Разумеется, великому хану было хорошо известно, что творили его люди в покорённых селениях — но, как любой по-настоящему умелый полководец, он должен был время от времени спускать с привязи подвластных ему степных диких зверей — чтобы затем вновь взять их на строгий ошейник…

Мельком взглянув на бессчётные трупы на поле боя, на своих ратников, спешивших к опустевшим городским стенам, Бату-хан вновь перевёл взгляд — узкий и цепкий, как у хищ-

ной птицы, — на бегущие далеко внизу воды ледяной реки Мокши, в которых отчаянно бил тяжёлыми копытами добрый вороной конь, стремясь к не далёкому уже берегу, где его вместе со всадницей ожидали, опустив пики и луки, ордынские воины, — стремясь к жизни… С тяжело вооружённой царицей Нарчат в седле, которая торопила своего коня к стремнине, направляясь к смерти…

Бату-хан молчал.

Ну… Красавица не красавица, но в давшей ему решительный и отчаянный отпор мокшанской царице было нечто большее, чем красота… Нечто, чего не могло быть в прекрасной сернийской княжне.

Как опытный воин он знал, что должен позволить умереть побеждённому врагу, не желающему просить пощады. Таков был неписаный закон воинской чести.

Но — в душе жестокого хана вдруг проблеском шевельнулось нечто человеческое — и по-человечески ему делать этого не хотелось.

— Это ведь всего только женщина, — тихо, словно повторяя его мысли, подсказал советник. — Она всё равно тебе больше не опасна. К женщине воинские законы чести можно не применять…

…Великий хан, с юных лет привыкший наступать на чувства — как чужие, так и свои собственные, — хранил плотное, тяжкое молчание, решаясь внутри себя на непривычный выбор…

Возможно, ему даже неосознаваемо жаль было погибшей сернийской княжны и всех загубленных им невинных душ, но…

…Нарчат тем временем упрямо и отчаянно рвалась к смерти — перед ней никакой выбор в этом плане не стоял. Сейчас, пожалуй, она была сильнее его, самого Бату-хана…

…Хан знаком подозвал к себе нукера, отдав немногословный и негромкий приказ.

…Опытные, задубевшие душой от постоянно льющейся крови монгольские военачальники были ужасно удивлены, услышав, что — впервые за всё время западного похода, столь же утомительного, сколь победоносного — великий хан приказал оставить без разорения оказавший сопротивление город и обойтись без убийств. Однако возражать никто бы даже и не помыслил: неисполнение приказа в монгольской армии каралось немедленной казнью.

…Бревенчатые стены Наручади остались стоять над Мокшей-рекой, провожая унылым взором отступавшие ордынские полки, — в отличие от оказавшихся беззащитными перед огненосными монгольскими стрелами стен Серни… Все защитники города полегли у его подножья — однако внутри города уцелели их жёны и дети, жизнь которых, сама о том не ведая, выкупила у жестокого ордынского хана гордая царица Нарчат.

Автор приглашает в своё сообщество «Жанна Николаева. Блокнот Осенней Леди» ВКонтакте:

Ольга Маратканова

Приветствую, дорогие читатели. Меня зовут Ольга Маратканова, я живу в Санкт-Петербурге. Пишу короткие истории о жизни, любви, дружбе и доброте, а также сказки для взрослых и детей.

В этом сборнике предлагаю вашему вниманию четыре больших и важных истории из жизни одной маленькой девочки. В не слишком далёком будущем, надеюсь, про эту девочку у меня будет целая книжка. А пока что больше рассказов — вот здесь: https://vk.com/mumins_bag_maratkanova

Чужая тётя

Как-то зимой к маме в гости заглянула подруга. Мама, услышав звонок в дверь, подхватила полугодовалую Ольку на руки и поспешила в прихожую. Гостей в этом доме любили и привечали.

От вошедшей тётеньки пахло зимой — морозом, снегом и немного гарью, как от колбасы, которую папа тонкими ломтиками нарезал на кухне к чаю.

— Идочка, привет, проходи! — улыбнулась мама, поудобнее перехватывая малышку одной рукой, а другой помогая подруге снять бордовое драповое пальто, на меховом воротнике которого блестели капельки подтаявшего снега.

Как мороз превращается в воду, Олька раньше никогда ещё не видела, а потому очень заинтересовалась маленькой круглой прозрачной штукой, которая блестела на пушистой штуке. Пушистая штука оказалась приятно мягкой и гладкой, а блестящая штука — мокрой и неожиданно куда-то делась сразу же, как Олька её сцапала. Олька нацелилась на следующую.

— Ой, Ида, она тебе сейчас воротник захватает! — перепугалась мама и убрала любопытную ручку дочери с мехового воротника. — Вот тапочки, пойдём. Холодно на улице?

— Ой, холодно! — с улыбкой отозвалась гостья, повесила пальто на вешалку и пошла за мамой, не снимая красивой коричнево-бурой шапки. — Ну как вы тут?

Мама провела тётеньку в комнату. Они сели на диван и принялись обсуждать то да сё. Олька ползала по подушкам и внимательно разглядывала тётеньку своими круглыми, в поллица, внимательными глазами. Малышка пыталась понять, кто это, и чего от неё можно ожидать.

Странная какая-то тётя… шапку она, что ли, не сняла? Другие тёти, которые приходили к ним в гости, обычно снимали шапки, а эта — не стала почему-то. Только часть шапки она оставила в прихожей вместе с пальто. Мама сказала, что это какой-то «воротник». Но если это воротник, то почему он такой же, как шапка… ничего не понятно.

— Привет! — улыбнулась ей тётенька. — Меня зовут тётя Ида. А ты — Оля?

Олька, очень хотела ответить, но ещё не могла, хотя уже всё понимала. Она подползла поближе, потянулась своей крошечной ручкой к тётенькиной шапке и издала восторженный звук — нечто среднее между «о» и «ё».

Не дотянулась — шапка была у тёти Иды на голове, а голова — высоко. Вышло, будто Олька тянула ручку тётеньке в приветственном жесте.

— Смотри-ка, признала тебя, здоровается! — улыбнулся вошедший в комнату папа. — Ладно, пойдёмте чайку хоть попьём.

Нет, ну что за глупый папа! Олька хотела узнать, воротник ли эта шапка, а с тётенькой она ещё на входе поздоровалась, приветливо гыкнув.

Эх… эти бестолковые взрослые совсем ни на что не обращают внимания…

Ольку посадили в кроватку, где у неё лежало несколько игрушек и белый мишка, и взрослые пошли пить чай.

— Да я ненадолго вообще-то… — прозвучал из коридора голос тёти Иды. — Проведать вас заскочила. Но от чая не откажусь, спасибо.

— Пойдём-пойдём! — гостеприимничал папа. — Я сейчас ещё фотоаппарат настрою, сфотографирую хоть вас!

Когда они, чему-то смеясь, вернулись из кухни, папа вдруг спохватился, что хотел настраивать фотоаппарат, а мама и гостья опять принялись разговаривать свои взрослые разговоры.

Ольке это было совсем неинтересно — говорили про какой-то завод, и мама всё спрашивала, как там дела, а тётя Ида про тамошние дела ей рассказывала.

Звучали всякие имена и фамилии. Некоторые из них Олька раньше слышала от мамы с папой. Наверное, это были какие-то знакомые.

Олька не сразу уловила, о чём речь, когда гостья спросила у мамы:

— Май, она такая миленькая у вас! Можно я её подержу?

— Можно, можно, конечно! — прозвучал мамин голос, и чьи-то руки подхватили Ольку под мышки.

Мамины, наверное…

Олька, по своему обыкновению, немедленно принялась изучать то, что оказалось у неё перед глазами и под руками. Под руками оказалась плотная шерстяная ткань. Но цвет был не мамин. На маме был синий шерстяной спортивный костюм с белым замочком, а сейчас Олька видела крапчатый серо-коричневый свитер, на котором сбоку была вышита какая-то тёмная фигурка…

Интересно, когда это мама успела переодеться?

Так. Стоп. У мамы есть такой свитер, только он тёмный со светлыми крапинками. И фигурка на нём была красная. Этот свитер другого цвета, светлый. Может, папин? Нет. Папин — белый с серыми крапинками, и фигурка на нём серая.

— Ой, что-то она надулась так… — с сомнением прозвучал голос тёти Иды. — Не заплачет?

Уже не полагаясь на зрение, Олька с подозрением нахмурилась и принюхалась, пытаясь распознать запах, исходящий от свитера — мамин или папин всё-таки? Запах был незнакомый. Ольку это неприятно удивило, и она ещё больше оттопырила нижнюю губу, как всегда делала, когда ей что-то не нравилось.

Нет, запах был приятный, но её совершенно не устраивало, что он незнакомый. Это могло значить только одно: её взял на руки кто-то чужой!

Олька испугалась. Перед тем, как заплакать, она решила окончательно убедиться, что сидит на руках не у мамы, и повернула голову. Мама — её мама! — стояла рядом, но в стороне! А кто же это тогда?!

На глаза навернулись слёзы: кому это мама её отдала?! Кому?! Оставалась надежда, что папе, но тут из коридора раздался его весёлый голос:

— Ну что, фотоаппарат я настроил, давайте щёлкну вас!

Папа, улыбаясь, вошёл в комнату, наводя объектив и примериваясь для фото…

Это не мама — вон она стоит. Это не папа — он с фотоаппаратом… А где тётя Ида?

Олька заглянула в лицо того, кто держал её на руках, и с ужасом поняла, что она на руках у этой самой тёти Иды! Губа окончательно поползла вниз, образуя капризное корытце, а из глаз покатились слёзы.

— Ы-ы-ы!!! — заревела Олька, с каждой руладой прибавляя децибелы, чтоб всем вокруг стало ясно: она испугалась! Она злится! — Ы-Ы-Ы-Ы!!!

— Тщщ-тщщ… — стала покачивать её тётя Ида, заботливо поддерживая под мышку и пытаясь успокоить, но мама успокаивала её вовсе не так!

Тётя Ида ворковала Ольке какие-то потешки, но они были совсем не те, что напевала ей мама, и это ещё больше расстроило Ольку.

Её не отвлекли даже щелчки папиного фотоаппарата, на которые она обычно обращала внимание.

Ей уже не нужна была шапка, которая так заинтересовала её вначале.

Ей хотелось, чтобы на руках её держала мама, а не чужая тётя!

Когда наконец паника достигла апогея, а звук — предела мощности Олькиных лёгких, мама протянула руки и приняла назад свою орущую дочь.

Папа смеялся, повесив фотоаппарат себе на шею, а тётя Ида смущённо улыбалась, глядя на Ольку.

— Ребёнок, ну ты чего-о?! — ободряюще обратился к Ольке папа.

Чего-чего… если бы Олька могла, то уж точно сказала бы, «чего»!

Но она могла только обиженно всхлипывать и с недоверием косилась на папу — не каждый, знаете ли, день тебя вот так запросто могут отдать на руки чужой тёте собственные родители!

Привет, берёзка!

Каждый раз, когда Олька выходила гулять во двор, её приветствовала растущая напротив подъезда берёзка. Берёзка была нестарая и росла немножко вкось у такой же косой тропинки, убегающей во дворы через площадку для развешивания белья. Собственно, вход на детскую площадку тоже «охраняла» эта берёзка. Поэтому, прежде чем подойти к качелям или забраться в песочницу, Олька здоровалась с ней.

— Пиветь, беёзка! — простодушно улыбалась она, заходя на площадку, и гладила её по шершавой коре.

Берёзка в ответ шелестела своими листиками, в которых копошился ветер. В зависимости от времени года листики были то жёлтые, то зелёные, но всегда приветливые и радующие глаз. Свои.

Олька часто гадала: вот если берёзка, допустим, сейчас растёт под уклон, не будет ли ей потом плохо? Это же очень неудобно — так криво расти!

Все берёзы, которые ей попадались до этого, росли прямо вверх, даже если стояли на сопке. А тут на ровном месте — и вот так неправильно растёт…

Ольке было жаль эту берёзку. Наверное, она болела в детстве, вот и выросла такая несуразная. Но менее любимой, конечно же, она от этого не стала. Приметная зато, ни с какой другой не спутаешь.

Иногда, в минуты особой прогулочной нежности и задумчивости, Олька лезла к этой берёзке обниматься. Правда, это было года в три, наверное. Потом Олька подросла, а берёзка — не очень, и Олькино «обнимательное место» как-то нечаянно «уехало» вниз. Участок ствола, заросший нижними ветками, обнимать оказалось не слишком удобно, поэтому Олька теперь просто здоровалась с берёзкой. Если не забывала, конечно. Теперь ведь у неё были совсем другие заботы — Олька пошла в школу.

Берёзка, впрочем, оставалась такой же радушной, и ветерок, живший в её листве, совсем не изменил своих привычек.

Каждое утро, выходя на улицу, она видела берёзку и радовалась, а ветерок ласково шуршал, будто берёзка говорила ей:

— Здравствуй, моя хорошая, ты в школу? Ну, удачи тебе!

— И тебе удачи, — шёпотом или внутри себя отвечала Олька и двигалась по привычному пути, уходя всё дальше по косой тропинке в утреннюю прохладу.

Как-то раз, когда Олька возвращалась из школы в один из последних майских дней, ей вдруг пришла в голову мысль: а почему бы не украсить их дворовую берёзку какими-нибудь ленточками или тряпочками?

Елена Феодосьевна как-то рассказывала им на уроке, что некоторые народы украшают молодые деревья ленточками. Да и в папиных журналах «Вокруг света» она тоже такое видела. Не зря же люди так делают, значит, это красиво.

Мама к идее отнеслась скептически — такое может не понравиться дворникам и домоуправлению. Папа же спросил:

— А зачем ты хочешь так сделать?

— Чтоб красиво! — ответила Олька, намеренно опустив слово «было», потому что, во-первых, ещё не было, а во-вторых, в её голове прочно засела картинка из папиного журнала, где такая же молодая берёзка была увешана разноцветными ленточками. И это правда выглядело красиво.

— Ну что ж, — сказал папа, выслушав доводы про грядущую берёзкину красоту, и про то, что другие народы тоже так делают. — Попробуй. У тебя же есть ленточки? Вот привяжи одну, это будет твоей берёзке подарок.

Мама с сомнением и укоризной посмотрела на папу и покачала головой, но ничего не возразила, а папа, заметив мамин взгляд, сказал:

— Ну а чего не попробовать-то? Она же не ломать собралась, а всего лишь украсить. Не съест же нас управдом из-за одной ленточки.

Олька тут же понеслась выбирать из своих ленточек ту, что больше всего подошла бы берёзке.

Красную не разрешила мама — этой ленточкой Ольку перематывали, когда вручали родителям. Голубая не годилась, потому что берёзка, она же — девочка! Неизвестно почему, но Ольке думалось, что именно девочка. Зелёная и белая ленточки будут сливаться с берёзкой и совсем не будут видны. А лент другого цвета у неё не было.

Олька вздохнула, убрала ленты в пакет и задвинула ящичек серванта обратно. Надо будет выпросить у мамы какой-нибудь другой цвет. Вот пойдут они в «Ткани» или в «Галантерею» — тогда и выпросить…

За летними забавами украшение берёзки отошло на второй план, да и мама пока не собиралась ни за тканями, ни за замочками.

Олька с родителями ходили в лес и на огороды. Потом ещё на речку ходили. И в гости. И Дни рождения отмечали — сначала папин, а потом Олькин. Ещё Олька до сумерек гуляла во дворе, где всегда было чем заняться — играли в «краски», в «три-пятнадцать», в «выше ноги от земли», в «прятки-догонялки», в «съедобное-несъедобное», в «козла», в «вышибалы», и в «ножички» ещё играли. В общем, не до ленточек было.

Перед школой на несколько дней город накрыл тайфун. С проливным дождём и ветром — всё как полагается. Олька не скучала и дома — можно было пить горячий чай и наблюдать в окно за стихией, или включить лампу и рисовать. А ещё можно было упросить папу поставить диафильмы или почитать вместе что-нибудь интересное.

Первого сентября Олька пошла в школу довольная, с пышным букетом астр. Едва ступив на косую тропинку, ведущую через двор, она поняла: что-то не так. Только вот из-за пышного букета было не совсем понятно — что. Да и не очень видно.

А ещё, когда она запнулась обо что-то твёрдое, торчащее из земли, все мысли выскочили у неё из головы. Влетели они обратно уже все вперемешку, и где была та из них, которую Олька думала только что, было не разобрать.

На следующий день, выходя уже без букета, она наконец поняла, что было не так — берёзки больше не было на привычном месте!

— Мам, — спросила Олька озадаченно, когда мама тоже спустилась на выход. — А где наша берёзка?

— Так её, наверное, тайфуном сломало, — пожала плечами мама и убежала на работу.

Олька подошла к куцему пеньку, который остался от берёзки. Как раз об этот пень она так некстати споткнулась вчера. Олька с сожалением поглядела на него и грустно прошептала в последний раз:

— Привет, берёзка…

Больше ничего сказать она была не в силах, поэтому повернулась и медленно побрела в школу.

Когда не все дома

Олька забежала домой со двора попить воды и обомлела: вся крошечная прихожая была заставлена обувью. Это означало сразу две вещи: во-первых, пришли гости, а во-вторых — точно будет что-то интересное.

Когда приходили или приезжали гости, всегда случались маленькие чудеса. Папа вытаскивал на середину комнаты Олькин письменный стол, и они с мамой накрывали его скатертью. Потом все вместе носили из кухни на этот стол всякую еду, которую мама готовила только по праздникам. А какую-то — по большим праздникам. Потом все долго сидели за столом, смеялись и рассказывали разные истории, а Олька слушала. Ей очень нравились взрослые разговоры.

В этот раз гостей в их крошечную однокомнатную квартирку набилось очень много: дядя Игорь с тётей Галей, которые приехали из Этыркэна — ещё бы знать, где это! — и дядя Серёжа с тётей Аллой из Владивостока. А ещё пришла тётя Надя. Правда, почему-то без Танюшки, но это ничего — Ольке не скучно со взрослыми.

Мама тут же отправила её умываться и переодеваться в красное ситцевое платье в цветочек с белым ажурным воротником и рукавами-фонариками. Это как раз то, что Олька не любила больше всего, но протестовать не имело смысла, тем более при гостях. В конце концов, раз уж они родственники, то, наверное, поймут сами, что Олька и платье — вещи несовместимые. Она обещала переодеться, но не быть собой — не обещала же!

Она в своём нарядном платьице скакала по полу и по дивану как маленькая мартышка, которая пытается привлечь внимание и понравиться.

— А я ещё вот так умею! И вот так ещё! — хвалилась Олька, совершая очередной головокружительный прыжок со своего кресла на родительский диван.

А потом немедленно отправлялась покорять заоблачные вершины шифоньерных антресолей, забираясь туда по мягким подушкам и одеялам, которые мама каждое утро аккуратно складывала между шифоньером и стеной.

Закончились эти акробатические номера только тогда, когда в комнату пришла мама и сказала, что сейчас будут ставить стол.

За ужином Олька присмирела. Она с интересом слушала байки, которые со смехом рассказывали взрослые, и внимательно разглядывала гостей.

Дядю Игоря и тётю Галю Олька помнила ещё с прошлого года — они уже приезжали, и Олька знала, что они железнодорожники. Поезда, наверное, водят — что же ещё можно делать на железной дороге! А вот дядю Серёжу с тётей Аллой Олька видела впервые.

Оказалось, что дядя Серёжа — мамин двоюродный брат и, между прочим, он не кто-нибудь, а целый моряк! Он побывал в разных странах, как дядя-капитан из «Денискиных рассказов»!

— А вы капитан, да? — заинтересованно спросила у него Олька.

Дядя Серёжа оказался не капитаном, но впечатление у Ольки было такое, что всё-таки капитан…

Теперь в школе можно будет всем рассказывать про дядю Серёжу, потому что моряк — это, вообще-то, вам не хухры-мухры!

С дядей Серёжей получалось, что все транспортные стихии были теперь покорены их родственниками.

Мамин племянник Славик — лётчик, а значит, заведует небом. Дядя Игорь с тётей Галей — железной дорогой, раз они там работают. А дядя Серёжа, наверное, всё знает о море! По крайней мере, он очень много о нём рассказывал…

Наевшись до отвала и осоловев, Олька уже не скакала вокруг взрослых как бешеная петарда, и её даже получилось сфотографировать вместе со всеми.

А вечером, когда большая часть гостей разошлась по домам, Олька с тётей Аллой стояли на балконе-беседке, увитом вьюнками и фасолью. Они смотрели на звёзды и тихонько разговаривали. И тут тётя Алла открыла Ольке один секрет: у неё в животе сидит малыш. Самый настоящий!

Ольке тут же захотелось его увидеть, но было ещё не время — ему нужно было вырасти там в животе. Тётя Алла пообещала непременно его показать потом, когда этот малыш появится и подрастёт.

С важным видом хранителя тайн Олька пообещала никому-никому не говорить этот секрет: шутка ли — целый маленький человек будет! А через два или три года с новым братиком можно будет даже играть…

***

К сожалению, гости — это всегда ненадолго. Приехали и уехали. Дальше у всех пошла своя обычная жизнь: у Ольки — школа, у мамы с папой — работа. Папа осенью уехал в Ленинград и приехал, как обычно, весной, к маминому дню рождения — так прошёл год. А потом ещё один…

Как-то ранней весной мама принесла с работы пакет с пробирками и штативами, там было ещё несколько колбочек и каких-то баночек.

— Это тебе тётя Люда Бевз подарила, — сказала мама, аккуратно выкладывая всю эту стеклотару на кухонный стол. — Ты же хотела себе лабораторию? Вот она. Только, пожалуйста, будь аккуратнее, а то если мы что-нибудь взорвём или испортим, папа тут же отправит нашу лабораторию на помойку.

Олька, конечно же пообещала! Прошлым летом она видела такие мензурки у своих подружек — сестрёнок Оли и Светы. Тогда они втроём с удовольствием смешивали разные жидкости и смотрели, как эти жидкости себя в пробирках ведут. Это оказалось очень интересно и увлекательно, и вот прямо с прошлого лета Олька загорелась идеей завести себе такую же лабораторию!

Вот только олисветина мама, тётя Аня, работала там, где вся эта камарилья была обычным делом, частью рабочего процесса, а Олькина мама работала в проектном бюро, где ничего подобного не водилось — одни чертёжные доски, линейки, бумага и тушь…

А теперь добрая фея тётя Люда облагодетельствовала Ольку целой лабораторией! И стекляшек в ней было, пожалуй, даже побольше, чем у подруг!

Собственно, на ближайшие несколько месяцев экспериментальная химия стала основным Олькиным увлечением. Правда, химичить приходилось только с водой и красками — ни подсолнечное масло, ни папин одеколон мама брать не позволяла…

Папа, когда приехал из Ленинграда, к лаборатории отнёсся с подозрением, и тут же поставил условие: не брать то, что запрещают, и не делать глупостей, а так-то, конечно, пусть будет лаборатория…

Настало очередное лето. В этом году Ольке должно было исполниться уже целых одиннадцать лет. Дня рождения, который должен был наступить через месяц-полтора, она ждала с нетерпением. Очень её интересовало, подарят ли ей что-нибудь интересное. Или, может, на море с родителями поехать получится, как раньше… Только вот раньше маме на работе выдавали путёвки, а теперь почему-то перестали. Почему — непонятно.

Зато теперь всё лето был огород. Точнее, несколько огородов: на двух — картошка и помидоры, а на третьем — всё остальное. Всё это родители называли «дачами», а Олька недоумевала: ну какие же это дачи, если там даже домика нет?! На даче он непременно должен быть, иначе никакая это не дача, а вовсе даже огород!

Утром мама с папой собрались ехать как раз на одну из «дач», потому что что-то там заколосилось и надо было прополоть, собрать и полить. Олька хорошо знала, что там без домика противно и жарко, и ещё обязательно поручат что-нибудь делать. Работая на даче, ей полагалось сидеть на корточках, полоть сорняки или собирать ягоды, и ни в коем случае не отвлекаться на посторонних жучков-паучков. Это было ужасно нудно и скучно.

Поэтому, как только речь заходила про дачу, Олька старалась побыстрее испариться или слиться с окружающей средой — лишь бы не участвовать в садово-огородных мероприятиях.

То ли она действительно крепко спала, то ли её не стали будить специально, но проснулась Олька в квартире одна — мама с папой, как и собирались, уехали на полевые работы. Послонявшись немного без дела и сжевав бутерброд, Олька решила поиграть в свою лабораторию, пока родителей нет дома. Никто ведь не запретит взять немного папиного одеколона или маминых духов и проверить, как они взаимодействуют, например, с содой. Балкон можно открыть, и всё выветрится. Наверное…

Или ещё можно было уксус взять. С ним мама тоже запрещала экспериментировать, но ведь мамы-то дома нет… Пока она размышляла, в дверь позвонили.

Олька, которой родители строго-настрого запрещали открывать двери незнакомым людям, когда их не было дома, на цыпочках прокралась в прихожую и заглянула в глазок. На пороге стояла Тоня, её давняя подружка из соседнего дома. Олька выдохнула — про друзей речи не было. Своим-то открывать можно!

— Привет, чего делаешь? Гулять выйдешь? — спросила Тоня, когда Олька открыла дверь.

— Я химичу, — с важным видом ответила Олька. — У меня тут лаборатория целая!

— Да ну! Покажи! — заинтересовалась Тоня.

Олька впустила подругу, и они вдвоём принялись проводить исследования. Потом немножко перекусили и сочинили стих про лень. Посидели на балконе, обсуждая разницу между велосипедами «Салют» и «Кама», и считая увядшие уже сегодня вьюнки, а потом снова вернулись к лаборатории.

Олька как раз наливала в пробирку какую-то очередную бурду, когда раздался звонок в дверь…

Вряд ли это кто-то из своих — большинство Олькиных подружек забегали звать её на улицу гулять попозже.

Олька и Тоня насторожённо переглянулись, а звонок повторился — видать, кому-то очень надо…

Олька прокралась в прихожую и заглянула в глазок. За дверью стоял мужчина с очень серьёзным лицом.

У неё всё внутри похолодело: что могло случиться, что пришёл этот дядька? Они с Тоней не скакали, не хулиганили — тихо играли себе с пробирками. Воду в кране — Олька точно помнила! — она выключила. Вроде даже картошкой с балкона в этот раз не кидались, а он всё равно пришёл!

Она стала мысленно перебирать в голове все свои прегрешения, пытаясь понять, что уже успела накуролесить, не выходя из дома…

Серьёзный мужчина позвонил в третий раз, немного потоптался на пороге и стал спускаться вниз по лестнице.

— Ф-фух… — выдохнула Олька, возвращаясь в комнату.

— Кто там был? — шёпотом спросила Тоня.

— Не знаю, какой-то дяденька, — так же шёпотом ответила Олька.

— А что ему было надо?

— Почём мне знать, — Олька пожала плечами. — Я же не открыла, а так он ничего не сказал.

— Слушай, может ты натворила чего? — с подозрением поинтересовалась Тоня.

— Я уже думала над этим, но что-то ничего не придумывается, — Олька выпучила глаза и снова пожала плечами в недоумении.

Девочки снова принялись колдовать над пробирками, и только Тоня принялась переливать полученную новую жидкость в колбу, как в дверь снова позвонили. Рука от неожиданности дёрнулась и часть жидкости пролилась на лакированную столешницу. О том, чтобы идти в ванную за тряпкой, и речи быть не могло — их мог услышать Тот-Кто-За-Дверью. Хотя, конечно, непонятно, зачем этот кто-то за дверью стоит. Может, у него дело какое-нибудь?

— Кто это? — снова шёпотом спросила Тоня.

— Не знаю, — Олькины глаза сделались круглыми, как блюдца, а лицо выражало панику и отчаяние. — Не знаю я!

— Сходи посмотри, — предложила подруга.

— А вдруг там опять этот дядька?

— Ну тогда не открывай, и всё, — Тоня была как всегда логична.

Их тихую беседу прервал повторный настойчивый звонок. Олька вновь прокралась к глазку: мужчина, который приходил до этого, вновь стоял под дверью. Он был чем-то очень озадачен и хмур. Олька на цыпочках вернулась в комнату, настороженно глядя на подругу.

— Я же говорила! Опять он! — возвестила Олька почти одними губами, вытаращив глаза.

— Слушай… — Тоне тоже стало как-то не по себе. — А может, я пойду?

— Да куда ты пойдёшь, если там дядька этот! — шёпотом всполошилась Олька. — Чтобы ты вышла, надо открыть дверь. А он — там!

Пока девочки беседовали, визитёр, видимо, опять ушёл, и Тоня всё-таки засобиралась домой. Но выйти она не успела — тишину квартиры вновь всколыхнуло прозрачное «бим-бом». Тот-Кто-За-Дверью вернулся!

— Бли-и-ин! — огорчилась Тоня. — Ну и как мне теперь выйти?

— Погоди… Ладно, — Олька решила взять быка за рога. — Так уж и быть, попробую узнать, что ему надо.

Она теперь осмелела настолько, что готова была вести переговоры через дверь — в самом деле, ну невозможно так! Наверное, всё же надо поговорить, может человек просто квартирой ошибся…

Олька снова встала на цыпочки, заглянула в глазок и опешила: в этот раз у дверей стоял вовсе никакой не дядька, а тётенька с приветливым лицом. И, кажется, где-то это лицо Олька видела…

Она в замешательстве отстранилась от двери и задумалась. Тоня тоже топталась в прихожей — ей очень хотелось выйти из квартиры, но было страшно.

— Опять он? — еле слышным шёпотом спросила она.

— Не-а… — удивлённо и так же тихо прошептала Олька, покачав головой. — Теперь там тётенька стоит. Ничего не понимаю…

Женщина за дверью постучала, затем снова позвонила, а потом… вдруг заговорила:

— Оля, это ты? Открой, пожалуйста!

«Вот блин! — Олька от неожиданности чуть в обморок не упала. — Она ещё и знает, как меня зовут! Нет, это точно кто-то свой. Только кто — не помню…».

— Оля! — продолжала тётенька за дверью. — Ну я же знаю, что ты дома!

— Д-дома… — пискнула Олька в ответ. — А вы кто?

Голос не слушался её, горло сжалось, и вместо нормальной человеческой речи остался только испуганный писк.

— Это тётя Алла, — ответила женщина из-за двери. — Ну слушай… помнишь, мы стояли с тобой на балконе, и я тебе один секрет рассказала?

В Олькиной голове тут же сложился паззл. Она вспомнила и тот разговор, и тётю Аллу… Только причёска у неё была другая. Что же касается секрета…

— А где малыш? — бдительно поинтересовалась Олька.

— Внизу, в машине. Тебя ждёт!

Вообще-то, Олька слышала такие истории, что дети открывали двери людям, которые что-то обещали, а потом этих детей никто и никогда больше не видел… Но за дверью-то была точно тётя Алла! Причин не поверить ей у Ольки вроде бы не было, и она потянулась к замку…

— Та-ак… ну, и что вы тут устроили? — укоризненно спросила тётя Алла, проходя в комнату.

На лакированной столешнице, куда Тоня пролила неизвестную жидкость, белело отвратительное пятно и в беспорядке стояли колбы с пробирками. В воздухе сильно пахло папиным одеколоном и уксусом. И ещё немножко — грядущим наказанием.

Тётя Алла вдруг улыбнулась и сказала:

— Сергей два раза поднимался, а ты не открываешь… Родители-то где?

— Н-на даче… — заикаясь от волнения, ответила Олька.

— Ну… я пойду? — Тоня робко напомнила о себе.

— Ага, пока, — кивнула Олька, и подруга пулей вылетела в подъезд.

— Ну поехали, покажешь, где твоя дача, — вновь улыбнулась тётя Алла. — Собирайся. Надо тебе что-то? Будешь что-то брать?

Олька взяла красно-белую «змейку», из которой можно было собрать шарик, кораблик и шахматного коня. Помирать — так с музыкой, как говорится… Ключи ещё взяла — дверь же надо закрыть. Больше, вроде бы, ничего не требовалось.

Во дворе их ждала огромная, белая как океанский лайнер, машина — «Тойота Марк II». Олька такие только на шикарных свадьбах видела. Тётя Алла открыла для неё дверь, там на заднем сидении изводился от долгого ожидания очаровательный белобрысый карапуз. Он стоял на коленках на просторном кресле и пытался что-то отыскать у заднего стекла. В салоне пахло незнакомыми дорогими духами и кожей, а за рулём машины сидел тот самый дядька, которому Олька не открыла…

Она насторожённо посмотрела на него, но дядька ничего ей не сказал. Тётя Алла велела Ольке сесть в машину, и под бдительными взглядами соседских старушек, сидящих на лавочке у подъезда, автомобиль плавно тронулся с места.

— Кстати, знакомься: это Кирилл, наш сын, — представила тётя Алла Ольке белобрысого мальчишку. — Тот самый, которого ты два года назад так хотела увидеть. Вот он.

Молчаливый дяденька за рулём тем временем уверенно вёл машину по городу. Тётя Алла спрашивала, куда поворачивать, и в конце концов — Ольке, правда, до самого конца в это не верилось — они действительно свернули на просёлок, ведущий к их огороду.

Большая белая машина остановилась напротив аккуратно прополотых и политых грядок.

— Серёжа! Аллочка! — всплеснула руками мама, увидев, кто приехал, и бросилась обнимать водителя «Тойоты». — Вы как? Когда приехали? Как вы нас нашли?

— А это нас Оля привела. Она у вас, между прочим, ого-го! — со смехом рассказывала тётя Алла. — Представляете, взяла и не открыла Сергею! Он два раза поднимался. И ведь, главное, понятно же, что кто-то дома есть. Но не открывает, молчит! Ну тут мы догадались, что надо сменить тактику. Уже когда я поднялась, только тогда она нас вспомнила!

Взрослые смеялись, укладывали вёдра с урожаем и садовый инвентарь в багажник, рассаживались в машине… А Олька тихо и молча сгорала от стыда и досады.

Это ж надо… Два года подряд с гордостью всем рассказывала про дядю Серёжу, а как он приехал — за чужого дядьку приняла, не узнала!

Совершенно секретно

В самый первый раз, когда Ольке довелось побывать на маминой работе, она долго изучала непонятный чертёж, который был прикреплён на кульман у маминого рабочего стола.

Мама всё это вычерчивала вручную, вооружившись необходимыми инструментами. Потом что-то высчитывала, а потом опять вычерчивала. И так — целый день.

Чертёж получался громоздкий, с кучей каких-то странных сокращений и пояснений, и на что он был похож, Олька даже гадать не стала — спросила у мамы.

Мама сказала, что это будущий вертолёт. Но не какой-нибудь там обычный вертолётишко, а персональная боевая машина, со всеми прилагающимися в этом случае штуками — прицелами, пулемётами и прочими ракетами! Ка-50, «Чёрная Акула», он назывался.

Было очень интересно и совершенно непонятно, зачем такой вертолёт делают. Но раз маме задачу поставили начертить вертолёт — вот она и чертит. Ольку она попросила никому-никому пока не рассказывать о том, чем она занимается, потому что это — секрет.

— А то расскажешь кому-нибудь, а у нашего завода возьмёт, и ничего не получится, — разводила руками мама. — Стыдно же будет, и обидно… все уже знают, что арсеньевский завод вертолёт готовит, ждут… а у нас — бац, и не вышло! Вот чтоб не спугнуть удачу, лучше не говорить пока. Сделаем вертолёт — тогда можно будет рассказывать и хвастаться, а сейчас-то чего…

И Олька молчала, никому тот секрет не рассказывала — боялась мамину рабочую удачу спугнуть. Даже когда Ольку спрашивали, где и кем работает мама, она отвечала: «На заводе, инженером», никак не вдаваясь в детали. Всем так отвечала.

Даже маминым подругам, которые на том же заводе работали инженерами, и сидели с мамой в одном кабинете.

Долго так продолжалось. Олька уже и забыла, что это секрет, да и сам секрет забыла — помнила только, что про мамину работу попусту болтать нельзя. Вот она и не болтала…

Как-то раз — это уже Олька в школу ходила — после уроков весь класс пошёл в кино. Детям обещали какой-то суперкрутой фильм. Особенно радовались мальчишки, потому что фильм был — боевик. Ольке вообще-то не сильно нравились фильмы, в которых, стреляют, дерутся и кричат. Но раз весь класс идёт, то чего бы и ей не сходить — тоже пошла.

Когда все расселись по местам и свет в зале погас, заиграла тревожная музыка, и на огромном экране крупным планом на фоне титров появился летящий вертолёт.

Читала Олька бегло, а потому из титров успела понять, что в фильме играет самая настоящая английская журналистка и… самый настоящий вертолёт! Тот самый, который был их с мамой секретом! И назывался фильм так же, как вертолёт — «Чёрная Акула».

— Это же… это же…! — пыталась выкрикнуть со своего места Олька, но на неё тут же зашикали одноклассники, и она притихла, вовремя вспомнив про «секретный секрет».

На экране тем временем разворачивалась нешуточная драма, в которой «Чёрная Акула» действительно исполняла ведущую роль. И даже иностранная журналистка была там совсем не на первом месте — все следили за пожилым дяденькой, который с серьёзным видом и без лишних эмоций летал на «Чёрной Акуле». Где бы ни появлялась эта грозная боевая машина с её неизменным пилотом — все нехорошие противники сразу убегали. Ну или им приходилось плохо.

Особенно всех поразил момент, когда огромный вертолёт почти бесшумно поднялся из-за горы и завис перед кучкой растерянных людей. Обычные вертолёты ведь так не умеют…

Из кинотеатра Олька вышла с ощущением гордости за маму и чувством выполненного долга. Она сдержала слово — никому не сказала про вертолёт, и про то, что именно её маме доверили конструировать это чудо техники.

Дома Олька с восторгом рассказала про фильм, а потом спросила у мамы, можно ли теперь рассказывать про «Чёрную Акулу».

— Теперь уже да, — улыбнулась мама. — Раз фильм показали, значит можно.

С тех пор Олька при случае с гордостью говорила: «А моя мама лично проектировала «Чёрную Акулу!»

И до сих пор так говорит…

Автор в социальной сети «ВКонтакте»:

Олеся Бородина

Бородина Олеся Петровна. Чукотский автономный округ, п. Угольные Копи. Учитель чукотского языка.

Как я стала шаманкой

Я проснулась от ужасной головной боли. На груди как будто лежал камень.

— Ыммэмы! — из моего опухшего горла вырвался приглушённый хрип.

Края полога откинулись.

— Эх ты, ныйылкыкэй. Все давно встали. Плохая из тебя будет хозяйка, если будешь так долго спать, — мамин голос глухо прозвучал в моих ушах, как будто в них затолкали мох. — С тобой всё хорошо? У тебя что-нибудь болит? Ты совсем бледная.

Мама поднесла к моему лицу жирник и потрогала мой горячий, мокрый лоб.

— Экыльпэ! — в её голосе прозвучало волнение, а в глазах отразилось беспокойство.

Бабушка с тяжёлым кряхтением заглянула в полог. Она не переставала натруженными и опухшими руками разминать для любимой внучки оленьи шкуры, чтоб потом сшить ей мягкую и красивую кухлянку.

— Что случилось? — прошамкала почти беззубым ртом бабушка. Последние зубы она берегла, чтоб и ими тоже разминать шкуры, делая их ещё мягче. Бабушка не могла допустить, чтоб грубая одежда прикасалась к нежной коже единственной внучки.

— Оонъылгыкай совсем горячая. Она заболела, — тревожно зашептала мать бабушке.

Бабушка от такой дурной новости выпустила будущую кухлянку из рук. Единственная внучка, после шести внуков, заболела! Её радость и утешение! Любимица всей семьи! Ягодка!

Старая женщина выхватила у дочери жирник. Тени задрожали и запрыгали по меховым стенам. Дрожащей сухой рукой с отёкшими пальцами она беспокойно трогала мои щёки, лоб, шею, грудь.

— Где болит? Что болит? Тут больно? А тут? — не умолкала бабушка. Тревога, любовь и жалость не давали ей собраться мыслями.

— Я пойду за шаманкой Экэлин. А ты накипяти воды, — взяла себя в руки мать. — Как не вовремя муж с сыновьями ушли на охоту, — сокрушалась она, торопливо надевая зимнюю кухлянку.

Всё это я слышала, как во сне. Жар и головная боль стискивали голову и не давали думать. Опухшее горло не позволяло говорить. На груди лежал камень и мешал дышать. Всё тело покрылось липким потом, но я чувствовала озноб.

Бабушка старческим голосом взволнованно причитала, огонь в очаге потрескивал, за меховыми стенами яранги торопливо хрустел снег. Но я этого не слышала, потому что моё сознание угасало.

Очнулась я от нестерпимо горького запаха, дым щекотал нос, а до слуха доносились монотонные звуки ярара и тоскливое пение старой женщины.

— Очнулась? Хорошо, — ровный и строгий голос послышался сквозь завесу бусин, косточек, камешков, перьев, зубов перед лицом женщины.

Хоть дым застилал глаза, слёзы замутили взгляд, я всё равно узнала этот голос. Такой суровый тон был только у шаманки. Говорила она всегда мало и односложно. Хмурый взгляд знахарки заставлял съёжиться, а угрюмый вид наводил страх. Её прозвали Грозной, а настоящего имени уже никто не помнил. Все её боялись, но другой шаманки по всей тундре было не найти.

— Пей!

Возразить было невозможно. Все оставшиеся силы я собрала, чтоб приподняться и сделать несколько глотков. Горько и вязко стало во рту. Горло отказывалось пускать внутрь целебную жидкость. Я упала на шкуры.

— Ещё пей! — шаманка приподняла мою голову и понемногу вливала в рот горячий невкусный напиток.

Опухшее горло болело и разрывалось тысячами костяных игл. Лекарство стекало по щекам, но целительница настойчиво поила меня лечебным настоем.

— Раздевайся! — приказала Экэлин и раскидала по пологу шкуры.

Она приложила ухо к моей груди, но только едва заметно качнула головой. Её обережные бусы щекотали меня. Среди них в жалком пламени жирника блестело одно маленькое украшение. Я зачарованно следила за его раскачиванием, и мои глаза стали наполняться сном. Сквозь обволакивающий и целительный сон я снова почувствовала горький травяной запах, услышала затихающий равномерный стук бубна и монотонное заклинание шаманки.

То ли мне снилось, то ли так и было. Бабушка натирала меня пахнущим морем и травами нерпичьим жиром, который она обменяла на мягкие оленьи шкуры, что должны были стать моей кухлянкой. Мама аккуратно поддерживала мою голову, чтоб напоить горячим зельем. Её ласковые, но уже огрубевшие руки гладили меня по густым волосам, которые разметались по шкурам. Бабушка и мама гордились моими косами. Матушка костяным гребнем расчёсывала их и напевала о том, какую красивую дочку послали ей духи. Бабушка плевала в ладошки и скручивала в тонкие нити подшейный волос оленя, подслеповатыми глазами украшала их бусинками и вплетала мне в косы, напевая хриплым голосом о том, чтоб духи даровали мне богатого оленями, красивого и сильного мужа.

Слышался мне сквозь то ли бред, то ли явь тревожный тихий голос отца, который так любил добывать мне красивые шкуры тундровых зверей. Беспокойно перешёптывались шесть моих старших братьев. Они приносили мне красивые бусины, вырезали из кости замысловатые украшения, мастерили забавных кукол.

Теперь то ли в забытьи, то ли в самом деле наша яранга оглохла и онемела. Дом, всегда наполненный смехом, гомоном, шутками и радостью, замолчал.

Но точно помню сверкающую в тонком огне жирника бусину, горький запах, пряный напиток, монотонный стук ярара и угрюмую песню шаманки:

— Духи предков, в ваши руки отдаю эту девочку: исцелите или примите в свой благостный верхний мир.

Она приходила каждый день. Кидала в огонь жертвенное мясо, перебирала на груди амулеты, шептала молитвы предкам, поджигала сухие травы и окуривала ими полог.

Она садилась около меня, тихонько стучала меховой палкой в кожаный бубен, раскачивалась, и вместе с ней колыхались многочисленные шнуры, нити, бусы, верёвочки на её одежде и перед лицом. Одна бусина блестела в слабом пламени жирника. Я следила за ней, мне так хотелось её взять и рассмотреть ближе. Тоненькие радужные лучи украшали бусину, блеск струился изнутри, крохотные искорки кружились вокруг и зачаровывали.

Шаманка суровым и требовательным голосом звала предков, чтоб они упросили Создателя неба и земли исцелить меня или забрать в лучший мир.

Сколько прошло времени, я не знаю. Однажды я проснулась и увидела, что шаманка опустила голову на грудь и молчит. В яранге было тихо, даже не трещал костёр. Я захотела пить, но боялась нарушить тишину. Села. Голова закружилась. Неприятная слабость наполнила всё моё тело. Я упала на шкуры. Снова села. Подождала, когда голова остановится. Встряхнула руками, чтоб наполнить их силой. Нашла свой керкер. Неторопливо оделась. Это точно мой меховой комбинезон? Как удобно мне было в сшитой бабушкой одежде, а теперь она мне совершенно велика. Я выползла из душной и жаркой спальни. Вокруг угасающего костра, прижавшись друг к другу, спали все: бабушка, папа, мама и шесть моих старших братьев. Я решила подкормить очаг хворостом, но проклятая слабость предала меня: пища для костра рассыпалась. Первой зашевелилась бабушка. Её мутный сонный взгляд остановился на мне:

— Оонъылгыкай?.. Ягодка моя, ты почему встала? Как ты себя чувствуешь?

Яранга зашевелилась, загудела, обрадовалась. Все ходили вокруг меня, трогали и гладили, радовались и удивлялись. Как отрадно услышать родные голоса! Бабушка и мама сме-

ются и плачут. Отец суёт мне красивую и густую шкуру росомахи, братья украсили меня разноцветными бусами, костяными ажурными украшениями.

— Старуха, свари крепкий бульон, — радость прервал суровый голос шаманки. — Положи туда эти травы. Когда окрепнет, приведёте её ко мне, — меховой палкой, которой она стучала в бубен, указала колдунья на меня.

— Зачем? — со страхом и уважением глянула бабушка на целительницу. Когда она сама ещё была ребёнком, эта знахарка была уже такой старой.

— Духи предков вернули её из мира мёртвых. Теперь она будет им служить. Она теперь не Оонъылгыкай, — с презрением произнесла колдунья моё имя. — Пэлкынтэтыльын — вот её имя, — в голосе ведьмы неожиданно прозвучало почтение, и она не угрюмо посмотрела на меня.

Шаманка взяла свой бубен и собрала амулеты и мешочки с травами. Напоследок целительница тряхнула своими чародейскими бусами, они тихонько и таинственно звякнули. Но мистической сверкающей бусины уже не было. На миг мне почудилось, что сквозь магические украшения ворожея таинственно улыбнулась. Показалось!

Я пила вкусный наваристый бульон. Мои родные ещё не могли поверить, что я здорова:

— У тебя ничего не болит?

— Дай щёки потрогаю.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Ты мало ешь.

— Может, тебе прилечь?

— Ты так исхудала!

— Ты такая бледная!

Яранга ожила.

В моей деревянной грубо вырезанной тарелке плавали в густом бульоне травинки. Они кружились, сталкивались друг с другом, расплывались в разные стороны, а потом снова симметрично и одновременно двигались развернувшиеся засушенные маленькие цветочки. Это было похоже на оккультный танец. Я подула на листочки, они хаотично разбежались, а потом снова погрузили меня своей завораживающей пляской в транс. Я не почувствовала, как бабушка принялась расчёсывать мои спутавшиеся густые чёрные волосы.

— Теперь твои косы накроет грубый капюшон с чёрными вороновыми перьями, а ясные твои глаза и милую улыбку спрячут некрасивые бусы из зубов и костей, — заплакала бабушка.

— Мы теперь не услышим твой звонкий смех, — подхватила мать.

— Неужели ты превратишься в такую же грубую и грозную старуху? — бабушка роняла слёзы на мои косы.

— Кто теперь утешит нашу с отцом старость? — продолжала голосить мать.

— Я тебя не пущу! — вдруг, всегда добрый с дочкой, но строгий с сыновьями, отец впервые повысил голос и нахмурил брови, за время моей болезни немного поседевшие.

— Любимая наша сестрёнка, мы тебе вырежем ведовские амулеты. Поможем собирать лечебные травы. Я изготовлю для тебя звонкий бубен. Я смастерю тебе варган, изгоняющий злых духов. Я буду для тебя охотиться и приносить тебе гадательные кости. Я обменяю свою добычу на разноцветный бисер, чтоб твои нити перед лицом были красивыми, — братья наперебой старались показать, как они скучали по мне и как любят свою младшую сестру.

Бедные мои братья! Я ничего этого не слышала. Чудодейственные травы очаровали меня мистическим танцем.

Вдруг в тарелку с целительным бульоном упала сверкающая бусина. От неё побежали круги, которые прижали травинки и листочки к стенкам тарелки, и они опустились на дно.

Я очнулась от чар, встряхнула туго заплетёнными косами, допила бульон, достала бусину и зажала её в кулаке. Оглядела своих родных благодарным взглядом. Как я вас всех люблю!

И прямо в керкере без тёплой кухлянки вышла на улицу. А вот и она, наша шаманская звезда в созвездии Нэркук.

Как шаманка себе ученицу искала

Три быстрых оленя бежали по снежной тундре и легко везли за собой нарту. На ней сидела одинокая женщина и подгоняла длиной палкой гордых животных. Куда она так торопилась? Она сама не знала. Её никто нигде не ждал.

Под полозьями скрипел снег. Дорогу освещала большая жёлтая луна, и яркие звёзды указывали ей путь на запад. Почему на запад? Может, духи так сказали? Нет, они ей ничего не говорили. Она к ним давно не обращалась. Кысекэт им уже не доверяла.

Вся её семья — это три могучих оленя, старый пёс и сова с перебитым крылом. Они объездили всю восточную тундру, но ни в одном стойбище больше года — двух не задерживалась Ойвалятгыровэрэт. Но это имя даже она забыла. Теперь её прозвали Одиночкой. Она тяготилась общением с людьми, особенно её раздражали шумные и суетливые дети. Никто не знал, как она появилась, и никто не знал, как она уехала. Кысекэт что-то искала. Она сама не знала, что ищет, но сердце звало её на запад.

Перед оленями выросли большие и острые торосы. Сильный ветер и крепкий мороз создали эти непроходимые глыбы льда на большом озере. Далеко придётся обходить. Кысекэт надо бы обратиться к духам, чтоб они показали дорогу. Но все амулеты завёрнуты в шкуры и лежат на самом дне мехового мешка. Она взглянула бы на звёзды, но туча заволокла полнеба. Направить бы верного пса разведать, но он такой старый, что до сих пор трусит по следу. Сова на далёкие расстояния с перебитым крылом не летает. Олени громко хоркают, бьют копытами, крутят ветвистыми головами. Торопят.

— Будет пурга, — посмотрела на горизонт одинокая женщина. — Надо укрыться.

Она распрягла оленей, разгрузила нехитрые пожитки и перевернула у тороса на бок нарту с подветренной стороны. Потуже затянула завязки на малахае, кухлянке и торбосах. Олени улеглись рядом в снег. А вот и приплёлся старый пёс. Женщина потрепала его по спине и вытащила из мешка кусок мяса. Пёс по-дружески поделился ужином с совой. Та спланировала с плеча хозяйки и, когтями удерживая мясо, клювом рвала его на кусочки.

Как только женщина сложила остатки своего ужина в меховой мешок, как будто кто-то большой и сильный кинул в неё снег, и небеса загудели. Сова уютно устроилась между лохматым другом и хозяйкой. Та обняла свою семью, и все стали слушать завывание ветра.

Он бросал снег в нарту и посыпал им оленей, спрятавших голову в сугроб. Сани превратились в снежный холм. Ветру не нравилась эта преграда, но торос надёжно защищал от Никъена.

Монотонное завывание ветра было похоже на колыбельную. В ней пелось, что родилась девочка в сильную пургу и душа у неё будет такая же непоседливая, мятущаяся.

— Ыя-а-а, — поёт Никъена.

— Нытъивувириткин, — кто-то позвал Кысекэт детским именем, которое уже давно истёрлось из памяти.

Показалось. Пёс положил голову на колени хозяйки и облизал пернатого друга. Снова все задремали.

— Ыя-а-а, — громче поёт восточный ветер.

— Нытъивувириткин, — слышит сквозь дрёму странница.

«Это мне снится», — промелькнула мысль, и женщина затолкала руки в рукава кухлянки.

— Ыя-а-а, — надрывается пурга.

— Нытъивувириткин, — где-то рядом тихо, но настойчиво шепчет голос. «Духи вернулись», — поняла Кысекэт.

— Уйдите от меня! — прошептала женщина. А потом громко в метель: — Я вас слушать больше не хочу!

Она закрыла ладонями уши. Пёс и сова недовольно засуетились. Пёс лапой затолкал птицу под себя и спрятал голову в лапы.

Снежный буран властвовал над бескрайней тундрой. Поднимал снег к небу и с силой швырял на землю. Большие густые белые хлопья рвались наперегонки.

Большой ледяной торос Властитель зимы одолеть не мог. За ним безопасно спрятались путники и пережидали неистовство непогоды.

— Ыя-а-а, — ослабевает Никъена.

— Нытъивувириткин, — громче зовут духи.

— Меня зовут Кысекэт! И это вы меня сделали одиночкой, — закрыв лицо руками, кому-то сердито прокричала женщина.

Восточный ветер устал. Снежные гонки прекратились. Холм зашевелился, и из норы выбрался пёс. Он по-стариковски неторопливо отряхнулся. Засунул морду в нору и вытащил зубами сову. Та взмахнула крыльями и тяжело взлетела на вершину холма. Он вздрогнул и рассыпался. Кысекэт размяла затёкшие ноги и руки и свистнула в сторону трёх холмиков. Они тоже рухнули, и рогатые морды тряхнули головами. С большим трудом путешественница запрягла оленей в нарты, по пояс проваливаясь в снег.

Упряжка готова. Пёс облизывает морду после завтрака, птица когтистой лапой, на которой не хватает двух пальцев, очищает клюв. Женщина уложила меховой мешок на нарту.

Снег в тундре заглушал все звуки, только скрип нарты разносился по холодной пустыне.

— Ойвалятгыровэрэт!

Кысекэт сделала вид, что не слышит.

— Поверни упряжку вправо.

Каюр палкой поторопила оленей вперёд.

— Кысекэт! — громыхнуло сверху, и вспыхнуло на небе северное сияние.

Женщина вздрогнула и направила упряжку вокруг озера с торосами с правой стороны.

Шаманка правила оленей упряжкой всё реже, погрузившись в воспоминания.

Когда приблизилась старость, ведунья обратилась к духам с просьбой послать ей ученицу, которой можно передать знания, чтоб было кому в тундре лечить людей и совершать таинства.

По легенде и традициям древнего чародейского искусства близкие родственники не могут быть наследниками сакрального знания. Давно, очень давно, на заре возникновения знахарства, секреты мастерства передавались от матери или отца дочери или сыну. Однажды одной целительнице принесли маленькую сиротку. Шаманка стала обучать ворожбе свою дочь и найдёныша. Так случилось, что родная дочь оказалась неспособной к врачеванию, а сиротка обладала хорошей памятью и старанием. Но шаманка всеми силами старалась родной дочери передать тайны, а сиротке мало уделяла внимания в обучении. Выросли девочки, и отправились они на сакральный остров для посвящения в ворожеи. Сиротинушка прошла все трудные испытания и получила священный ярар, а родная шаманская дочь была отвергнута Великими Магическим орденом. Рассердилась старая ведунья на сироту за такую несправедливость и наслала всех злых духов на неё. Но злые духи вернулись к колдунье и отобрали у неё все знания. С тех пор ведовские умения передаются способным, на кого укажут духи.

Однажды Заклинательница духов вылечила от тяжёлой болезни женщину, у которой было пять дочерей. За свои труды она попросила прислать ей самую младшую девочку. Она была очень любопытной и смышлёной. Она оказалась бойкой и сообразительной.

Радовалась старушка недолго. Напали на их стойбище кочевники с юга и всех убили, и ученицу тоже. Шаманку забрали в плен. Вражеский вождь приказал обучить колдовству его сына. Мальчик обладал тонкой интуицией и чуткими руками. Смирилась знахарка со своим пленом, зато хорошего ученика обрела. Не пропадут её знания! Через несколько лет целительница обрела свободу, а подросток уже самостоятельно ходил в тайгу за травами и кореньями. Однажды он забрёл далеко. Волки разодрали одинокого самоуверенного путника.

Как-то раз в одном из восточных стойбищ умерла вся семья от жестокой инфекции, только одну девочку смогла вылечить Ойвалятгыровэрэт. Решила она, что это знак духов и забрала её себе на обучение. Красивая выросла девочка, все любовались ею: чистая свежая кожа, длинные густые косы, выразительные глаза, весёлая и звонкоголосая. Слава о такой красавице разнеслась далеко по тундре. Однажды увёз её богатый пастух в своё далёкое стойбище.

Рассердилась шаманка на духов и перестала к ним обращаться. Больше не взывала к ним, не раскуривала дурманящие травы, не бросала в огонь жертвенного мяса, не просила ни о чём, не прислушивалась к их предсказаниям. Но больше всего невзлюбила детей. Так и стала она жить одна, путешествуя от стойбища к стойбищу, продвигаясь на запад. Прозвали теперь её Кысекэт.

Впервые за долгие годы подчинилась она зову предков. Куда они её ведут? Что ждёт её за этим озером?

На горизонте показалась ярко-красная полоска рассвета. Зимний восход не понравился колдунье. В другой раз она бы решила, что кровавая утренняя заря к сильному морозу, но сейчас она почувствовала тревогу, поэтому отправила сову вперёд. Но она была уже такой старой, и искалеченное крыло не позволяло ей долго и быстро летать. А пёс-старик едва поспевал за нартой.

Вдруг олени остановились и захоркали, опустили к земле рога и забили копытами по снежному насту. Сова, тяжело махая крыльями, низко полетела вперёд, посмотреть, отчего так встревожились олени. Пёс остановился, принюхиваясь к воздуху.

— Волки, — поняла свою пернатую подругу чародейка.

— Ушли, — старуха погладила тяжело дышавшего лохматого пса.

Шаманка приободрила оленей длинным шестом и направила их к опасному месту.

Лучи холодного солнца осветили снежную поляну. За свою долгую жизнь старуха видела многое, но каждый раз её сердце сжималось от ужаса, который оставляла после себя стая волков.

Снег кругом окрасился в красный, но не от лучей восхода, а от крови. Люди, олени, собаки разорваны в клочья. Руки, ноги, головы, внутренности разбросаны в полном беспорядке по всему месту трагедии. Ещё шёл пар от растерзанных тел. Старая женщина бродила между трупами, надеясь найти выживших.

Верный пёс шаманки нервно залаял. Между мёртвыми собаками шаманка увидела едва живого волка. Его шею в смертной агонии обхватили зубами два защитника. Из пасти хищника текла кровь, глаза покрывала поволока мучений. Женщина вытащила нож из-за пояса и, одними губами произнеся слова молитвы, вонзила острие прямо в сердце хищнику. Судорога пробежала по всему телу серого. Смерть как облегчение пришла к нему.

Вот здесь в жестокой схватке погибли два оленя и волк, которого они пронзили рогами, но другие хищники не дали гордым животным шанса на выживание. Здесь ещё один волк, убитый копьями, но это не спасло копейщиков от мести его жестокими серыми сородичами. Из уха одного огромного с сединой на холке матёрого зверя торчал сломанный нож с костяной ручкой. А вот и рука с обломком в пасти другого убитого стрелами зверя. Рукав одежды этой руки был красиво вышит дорогим бисером и мехом. Какая разница хищнику: богат человек или беден.

— Совсем молодая и красивая, — разглядывала шаманка перепачканную кровью голову девушки. Юное лицо перекошено от ужаса, а в прекрасных глазах застыл страх. Рядом, наверное, её растерзанное тело.

Десять человек: мужчин и женщин. Пять верных защитников-собак. Восемь оленей. Все они были живы ещё совсем недавно. Сегодня.

Сколько было здесь жестоких хищников?

— Если бы мы не задержались в пути, мы могли быть тоже мертвы, — сама с собой говорила шаманка, обходя места кровавой бойни.

Крик совы не сразу отвлёк её. Птица сидела на кибитке.

— Кибитка? — удивилась ведунья. Она поспешила к месту, где кричала сова и беспокойно взмахивала крыльями, но трупы и взрыхлённый кровавый снег мешали ей бежать. Ворожея спотыкалась, ноги запутывались в кишках мёртвых, она падала. Короткий зимний день уже подходил к концу.

Кибитку защищали трое. Думали ли они перед смертью о том, выживет ли тот, ради которого они отдали свои жизни?

Шаманка цыкнула на взволнованную сову, раскрыла полы маленькой палатки из оленьих шкур, просунула туда голову.

— Он жив?!

Женщина аккуратно извлекла ребёнка.

Солнце попрощалось красным закатом, и снова всё погрузилось во тьму, пряча во мрак, осквернённый кровью и смертью снег. Только холодные звёзды равнодушно освещали кладбище волков, людей, собак, оленей.

Олени нервничали, псу тоже не нравились запахи смерти, сова спешила покинуть место неравного боя.

Женщина прикрепила кибитку к своей нарте. Подобрала среди перевёрнутых нарт несколько одежд и взяла меховые мешки с запасами. Мёртвым они уже не понадобятся.

Олени уносили людей от страшного места.

— Вот зачем меня направляли на запад духи. Вот моя ученица.

Сердце шаманки таяло и проходила затаённая обида на предков. Она уже представляла, как разведёт большой колдовской костёр, бросит в него жертвенное мясо и споёт благодарственные песни духам.

Она уже знала, куда везут её олени: в тайгу, где не украдёт богатый оленевод, соседние племена не убьют, волки не застанут врасплох. Ойвалятгыровэрэт защитит их дом заклятиями, амулетами, травами.

Как маленькая девочка и старик стойбище спасли

Однажды на севере злые духи стали докучать пастухам: то мор на оленей нашлют, то неведомые болезни людям, то засушливое лето, то бесснежную зиму. Стало в тундре людям плохо жить. Собрались шаманы и шаманки на совет. Закрыли в яранге плотно шкурами вход и дымоход, чтоб ни один луч света и ни один звук не мешали камлать. Бросили в огонь ветки смолистого стланика и положили в костёр оленью лопатку, застучали в бубны и забренчали в варганы, запели медитативные песни и стали завораживающими танцами призывать на помощь предков. Дым заполнил ярангу, заволок глаза колдунам, горечь и вязкость наполнила их рты. Дышать нечем. Ничего не видно. Одного за другим едкий дым отправлял их души на границы яви и забытья. Только самый сильный ведун выдержал испытание до конца. Когда он спел последнюю молитву и его душа хотела покинуть тело, жрец, качаясь и неуверенно двигая руками, вытащил лопатку из дымного костра и выбрался на свежий воздух. То ли ещё день, то ли уже ночь — летом не понять. Кашель мешал узнать у односельчан, сколько времени колдуны общались с духами. Глаза слезились. Руки дрожали, но чародей крепко держал почерневшую гадательную лопатку оленя. Жители стойбища освободили дымоход и проветрили место камлания. Волхвы очнулись от транса и собрались за остеомантией.

Обтерев кость от сажи и копоти, они увидели различные таинственные трещины, сколы и рисунки.

— Это похоже на бегущего оленя, — ткнул пальцем один из яурунчей в край почерневшей кости. — Это значит, что наши олени скоро станут здоровы и снова будут бегать по пастбищам.

— Это значит, что наши олени убегут от нас! — возразил другой гадатель.

— А это скелет рыбы, — вмешался ещё один предсказатель. — Чтобы это могло значить? Неужели в наших реках передохнет вся рыба?

— Смотрите, это волки! Этого ещё нам не хватало!

— Вот луна. Боюсь думать, что солнце от нас скроется.

— Эти линии на дождь похожи. После засушливого лета придут затяжные дожди?

— Вот нарты. Нам надо уезжать из этих мест?

Много всего духи начертили на кости. Долго спорили гадатели.

Устали люди слушать шаманов и разочарованные разбрелись по своим домам. Одна девочка пробралась между ногами колдунов и стала водить маленьким пальцем по закопчённой лопатке. Отёрла покрытый сажей уголок, и появились новые линии и трещины. Хотели было её прогнать, но самый седой чародей, всё ещё откашливая сажу и утирая слезившиеся глаза, схватил ребёнка за руку и посмотрел ей в испуганные глазёнки.

— Что ты видишь?

— Грибочек, — испуганно пробормотала малышка.

— А это что?

— Река, — девчушка осмелела.

— Что ещё ты видишь?

— Вот гора над рекой, — пальчик двигался по испещрённой трещинами оленьей лопатке.

— Что это значит?

— Надо поплыть по реке к горе, а там люди похожи на грибочки.

Умудрённые сединами и годами кудесники засмеялись.

— Что в этом может понимать ребёнок! — рассердились мудрецы.

— Что за чушь она несёт! — не поверили малышке старцы.

— Иди отсюда, девочка! — махнули руками волхвы.

Самый старый и седой длиннобородый колдун, всё ещё едва стоявший на ногах от недавнего сложного камлания, грозно призвал своих коллег к тишине и стукнул узловатым посохом.

— Ум ребёнка чист и не замутнён. Глаз зорок. Сознание открыто. Воображение богато. А вы, — направил на мудрых жрецов свой изрисованный запутанными ажурами древний посох, — старые ворчуны, ищете загадки там, где их нет. Вы перестали замечать простые вещи. Ваш ум наполнен тайнами и мистериями. Духи не только вам раскрывают свои секреты. Я сам отправлюсь по реке к горе, где живут люди-грибы, а девочка мне укажет путь.

Кувчемгъольыпныначгын сурово зыркнул на чародеев, взял девочку за руку, развернулся, закачался и неуверенно, но гордо направился к своим нартам.

— Ты старый! Ты не выдержишь длинной дороги! Как ты можешь верить ребёнку! Ты выжил из ума! — кричали кудесники мудрецу вслед, но тот даже не обернулся.

Старый мудрец решил идти пешком, оленям есть нечего в умирающей тундре.

Девочка, не очень понимая, что происходит, но чувствуя развлечение, радостно подпрыгивала. Старик, опираясь на посох, тоже торопился как мог.

— Как тебя зовут?

— Бабушка зовёт меня Аалёма, мама — Ныкоргыпкай, а братья — Йильэйил.

— Понятно, — огорчённо вздохнул волхв. — Путешествие простым не будет.

Дорога до реки Пегтымель по засушливой тундре была непростой: иссохшие растения кололи ноги, кочки рассыпались в пыль, все ручьи с пресной водой истощились, ягоды не уродились. Даже охотиться было не на кого.

— Почему так печёт солнце? Почему птицы не поют? Почему тундра такая сухая? Пить хочется.

Ныкоргыпкай шла впереди и, казалось, трудный путь не утомил её любопытство. Дряхлый жрец едва плёлся: спотыкался об оголившиеся кочки, цеплялся меховой одеждой за острые голые ветви кустарников.

Путешествие по обмелевшей реке принесло тоже много сложностей. Старику и малышке иногда приходилось тащить тяжёлую выдолбленную лодку по трескающемуся илу. Рыбы в реке почти не было. Солнце нещадно пекло. Белая ночь не приносила свежести. Припасы закончились. Берега становились всё каменистее.

— Куда делась река? А рыбы под землю спрятались? Почему вода стала такой грязной?

Вопросы не заканчивались. Откуда столько энергии у этой маленькой и исхудавшей девочки?

У мудреца не было сил отвечать непоседе.

— Гора! Гора! — звонкий голос вернул старика из голодного забытья. Подслеповатые глаза едва различали что-то на горизонте.

Высокие каменные берега не позволяли причалить лодке.

— Смотри, люди с грибами на голове! — палец девочки указывал на стену скалы. Гора высока. Что там можно было увидеть?

Вдруг пошёл дождь, которого так ждали всё лето. Каменные плиты намокли, и на их поверхности проявились рисунки: люди-грибы, бегущие олени, звери тундры. Мудрец и Аалёма зачарованно смотрели на петроглифы.

— Кто нацарапал их так высоко? Что это значит? А это что? Смотри туда! Это олень! Куда он бежит? — радостное любопытство маленькой попутчицы усилилось.

Дождь не мешал ей скакать по лодке и разглядывать тайнопись, она разглядывала каждый рисунок. Старик в непонимании и удивлении молчал, пленённый удивительными изображениями. Когда оцепенение прошло, Кувчемгъольыпныначгын осознал:

— Это предки нам оставили подсказки.

Загадочные письмена закончились, и шаман стал править лодку домой. Теперь течение несло судно само.

Дождь кончился, и солнце обсушило берега. Кудесник и ребёнок выбрались на берег. После дождя земля напиталась наконец-то влагой, и первыми показались шляпки красных грибов. Люди давно ничего не ели. Олени ведь едят грибы. «Почему нам нельзя?» — решила девочка и сорвала красивый гриб. Вскоре она упала и провалилась в сон. Чародей испугался, потому что долго не мог разбудить непоседу.

— Мне снились такие чудные сны! — очнувшись от странного и продолжительного сна, затараторила девочка, не давая вставить слово старику. — Я видела умершую бабушку, соседку, которая ушла к верхним людям этой весной, брата, которого забрала болезнь. Они сидят у большого костра, едят много мяса и весело танцуют. Они нам помогут. Только я не поняла, что они мне говорили.

Аалёма разжала ладонь. Остатки красной шляпки раскрошились.

— Вапак! — удивился знахарь.

Все знали, как опасен этот гриб, и на всякий случай не собирали вообще никаких грибов. Девочка выжила и ещё видела пророческий сон.

— Люди-грибы! — осенило старика.

Реки наполнились рыбой, тундра быстро старалась вернуть людям задержавшиеся дары. Старик и девочка вернулись домой, но мало кто уже их ждал.

Шаман снова собрал своих коллег и рассказал о скале, на которой духи начертили тайные знаки, о мухоморе, вызывающем пророческие сны. Разожгли жертвенный огонь. После чародейского сна люди теперь знали, на какие пастбища надо перегнать оставшихся оленей, куда переместить стойбище, как лечить неведомые болезни.

Ольга Сологубова

Живу в Нижегородской области. По образованию художник. Пишу иконы, занимаюсь мозаикой, книжной иллюстрацией. Пишу рассказы и стихи, печаталась в районных изданиях. С удовольствием участвую в литературных конкурсах и марафонах. Мои рассказы вошли в сборник «Кружева зимы» от сообщества «Четыре рукописи» и в сборник «Лето внутри» от издательства «Четыре».

Сормовское детство

Зимой и поздней осенью наша улица в Сормове, состоящая из двухэтажных бараков, где жили, в основном, рабочие с семьями, выглядела несколько фантастично, во всяком случае, в том детском моём восприятии. В бессолнечном холодном пространстве появлялись густые белые облака странного пара, который выходил из низко торчащих в стенах металлических труб. Что это был за пар, до сих пор не знаю, видимо, так отапливались наши бараки в холодное время, но эти сгустки пара-тумана по всей улице придавали ей таинственность и нереальность, как в атмосфере фильмов Тарковского. Мир из этих туманностей глядел на меня и завораживал.

Я себя помню именно там. Первые воспоминания, первые люди. В бараке нас было семей десять, может, больше. Всё как в песенке Высоцкого. Коридор, заваленный велосипедами, корытами, инструментами, комнатки, в каждой из которых ютилась семья, две уборные в конце коридора и большая кухня с плитами, деревянными табуретками, столами, накрытыми дешёвыми клеёнками, и жёлтой лампочкой под закопчённым потолком. Кухня была средоточием общественной жизни.

Здесь обсуждалось всё на свете. Здесь вспыхивали ссоры, рассказывались разные байки, отсюда постоянно доносились голоса, а также запах борща из кислой капусты. Здесь же купали в оцинкованных корытах детей. Здесь услышишь, бывало, все свежие сормовские новости. Интереснее места не было!

Мы, дети, бегали по коридору, играли в прятки, догонялки, частенько ходили «в гости» друг к другу. Двери комнаток не запирались. Народ жил простой, рабочий, детей баловали ирисками или леденцами. Дети — это было святое! Я не помню, чтобы кто-то грубо говорил с детьми. Мы были Оленьки, Петеньки, Леночки, Аленьки. И сами дети были ласковы друг с другом. Ссоры случались, конечно, но как мимолётное недоразумение. Болели детскими болезнями тоже всем коридором. Помню, как разом заразились ветрянкой — зелёные конопушки у всех детей поголовно.

Кто постарше, те верховодили в играх и шалостях.

Напротив жила семья с двумя дочками. Старшая Оля — красивая выдумщица, любимица малышей. Мне нравилось с ней играть в куклы. Но как-то раз ей вздумалось нарядиться в какую-то лиловую кофту и изображать колдунью.

— Ты думаешь, я девочка? Нет, я волшебница, я могу тебя заколдовать!

И вдруг такая своя и привычная Оля начала размахивать руками и таращить глаза.

— Аааа! Мамааа!

Я бегом побежала к себе в комнату, перепугавшись такого превращения. Мне реально показалось, что подружка стала колдуньей.

— Да что ты? Алёнка! Я же пошутила!

Но я ещё долго не могла осознать, что это розыгрыш. В пять лет человек всё принимает за чистую монету.

Оля со временем выросла в настоящую красавицу, из-за неё всерьёз спорили парни. У неё были карие глаза, взгляд которых трудно было выдержать. Недаром ей хотелось изображать волшебницу в детстве. Не знаю, нашла ли она своё счастье… Потом, когда бараки расселили и всем дали квартиры, я её видела пару раз, когда с бабулей приезжали повидать старых соседей.

Вообще-то мы дружно жили. И мне казалось, что наш коридор — это целый мир. Конечно, наши работяги любили выпить, и шумно было временами, но мы, дети, чувствовали себя в безопасности и в доброте. И не страдали ни от убогой обстановки быта, ни от нехватки необходимого. Была некая общинность в том житии, никто не чувствовал себя одиноким. Никто не знал, что такое депрессия. Не помню унылых лиц.

Родители мои, студенты аспирантуры, конечно, выделялись на фоне общей рабочей среды, но я в то время мало это замечала. Папа в шутку называл маму «сельской учительницей», намекая на наше окружение.

Жизнь была бесхитростная. И проблемы были в семьях, и зарплаты были не ахти. Но вот помню, когда у нас умер дедушка, ветеран войны, все соседи без объявления и деклараций взяли отгулы на работе и сообща устроили поминки. Скинулись, купили продукты и напекли, наварили кушаний на поминальный стол. Так было принято, это само собой разумелось. Ещё был жив старинный деревенский или слободской русский уклад жизни.

— А как же, мать? Как не почтить героя войны? — сказал дядя Коля, наш сосед, когда бабуля его благодарила.

В детский сад идти не хотелось. Утро. Темно на улице. Брр! Там чужие дети, воспитатели. Там холодно душе. Если бабуля приезжала, меня оставляли дома. Это было счастье!

— Бабуля, расскажи нам сказку!

Она садилась за вязанье и рассказывала сто раз слышанные сказки про петушка, курочку Рябу и Колобка.

Приходили соседские дети, мои друзья: Маруся, Аля, Оля, Петя. Бабуля пекла пирожки с яйцами и луком. Вкуснейшие!

А на Пасху мы все вместе красили луком яйца. Советское время, о Боге нам не говорили, церкви не было, но Пасху праздновали. И куличи продавали в магазине, назывались они «весенняя булка». И катали яйца. Такие алюминиевые желобки, как сейчас помню, и по ним со скоростью летит яйцо! Восторг!

— Дай сюда! Я твоё выбил! — кричит Петя. Маруся старается отнять у него своё самое красное яичко. Носимся по коридору, чуть не сбивая с ног взрослых. Потные, запыхавшиеся, пьём кислый напиток-гриб из банки.

— Не толпитесь, кружки поставьте на место! — руководит тётя Валя, мама Пети и Маруси, красивая, статная, вся такая ладная в домашнем ситцевом платье. Тётю Валю сильно ревновал муж, даже временами скандалил. И как-то это было в порядке вещей.

На втором этаже жила старушка, она всегда сидела у окна и наблюдала за происходящим на улице. Жила она одна в двух комнатах, это было просто роскошно. И эта старушка была портнихой, ей заказывали платья на праздники, а ещё она шила кукол из лоскутков. Мы, дети, частенько к ней наведывались играть в эти лоскутные куклы. Я думаю, она их шила именно для того, чтобы мы приходили к ней. Хотя моя бабуля тоже дружила с этой старушкой, навещала её. Все всё знали друг про друга, и это не вызывало раздражения.

Жизнь текла какой-то широкой спокойной рекой. Сейчас эта река бурлит и срывается водопадами. Сейчас другое время, и мы другие, но детство из груди не вынуть. И оно греет.

Малаховское озеро

Наше озеро — самое красивое место в Малаховке. Летом там весь посёлок. Пляж усеян загорающими, отдыхающими, народу столько, что еле пройдёшь между телами к воде, думаю, в Сочи свободнее. Пляж тут песчаный, песок не особо белый, скорее, серый, но это никого не смущает. Играют в волейбол сильные, загорелые парни и девушки. Смех, крики. Спорт у нас в почёте: рядом физкультурный институт. Теперь уже академия.

А вдоль берегов берёзы, ивы с толстыми старыми стволами. Ивы совсем близко над водой висят и отражаются в спокойной глади. Редко когда рябь появляется на поверхности озера. Между ив частенько сидят на пледах любители уединиться с бутылочкой. А иногда и целые компании с гитарами засядут. И до вечера. По склону — рощица, в озере она же, но макушками вниз. Отражение расширяет пространство. У мостика оживление. Детвора кормит уток. Они у нас беспардонные и ненасытные.

На другой стороне — лодочная станция и спасательный пункт. Оттуда в рупор периодически пугают штрафами за то, что кто-то решил заплыть на самую середину. Озеро большое, красивое, глубокое и коварное. Несчастные случаи здесь, увы, не редкость. А с виду — тихое и безобидное. И всегда красивое. Даже зимой, когда озеро превращается в продолговатую белую чашу, оттенённую заснеженными деревьями. Физкультурники на лыжах заполняют его, двигаясь по замысловатым траекториям.

Самая красота, конечно, осенью. Как сейчас вот. Глаз не оторвать! Всё вокруг озера яркое, переливается листва жёлтых берёз, пламенных клёнов, хвоя густо-зелёных, очень тёмных елей оттеняет буйство красок. И озеро старательно повторяет, увеличивая вдвое эту мощную красоту.

По берегу молча идут двое. Девушка задумчиво смотрит на воду, следя за красным листом, плывущим по синей воде. Лист намокает, темнеет. Она в синем пальто и жёлтой беретке, из-под которой выбиваются чёрные волосы. Она быстро поправляет кудри, наклоняясь, собирает опавшие разноцветные листья.

— Ты будешь писать, Валя? — тревожно и неуверенно глядя на её серьёзное лицо, спрашивает спутник.

— Буду, конечно! И не только я. Все будут тебе писать! — отвечает Валя, намеренно обобщая.

Но ему, видимо, не столь важно, будут ли писать все.

— На проводы придёшь?

— Приду, — девушка нетерпеливо взглядывает на него, — других вопросов не задавай!

Он опускает голову. Он хочет спросить, будет ли она его ждать, но не спрашивает. На минуту его лицо принимает страдальческое выражение, Вале это явно не нравится, она с досадой хмурится и отворачивается. Они опять идут молча. Валя помахивает букетом осенних листьев. Под жёлтой бересткой её чёрные глаза кажутся ещё чернее. Наверное, надо бы наговорить парню разных обнадёживающих обещаний, но Валя не умеет врать. Она недовольна собою, вся эта ситуация тяготит её, будто подталкивает к ожидаемым действиям. А Валя не терпит ни малейшего принуждения. И в то же время ей жаль парня. Его не в чем упрекнуть, он уезжает и хочет быть уверенным в ней. Хочет обещаний.

Озеро безмолвно, но всей своей живописностью старается украсить этот прощальный день двух молодых людей.

— Валя…

— Петя, я не хочу этих разговоров, ты знаешь.

— Но я же ухожу в армию. Просто ответь.

— Опять? Я же просила не спрашивать. Мне нечего тебе ответить сейчас. Как ты не понимаешь? Писать обещаю. Мы же друзья.

Они идут вдоль воды, поднимаются на мост, под которым, шумно и судорожно, бурным потоком, преодолевая запруду, озеро вливается в извилистую речку. Здесь слова не слышны.

Вдали показываются остальные ребята. Валя машет им рукой, стараясь не смотреть на Петю. Все любуются озером. Оживлённо обмениваются новостями, дурачатся. Кто-то достаёт телефон и фотографирует осеннее озеро, друзей. Всех вместе и каждого по отдельности. Эти фотографии Петя потом в армии будет часто рассматривать. Но это уже потом.

Через несколько минут они гурьбой бегут к остановке. Оказывается, в кинотеатре премьера французского фильма. Валя прижимает к груди букет из осенних листьев, боясь обронить.

Она не понимает, какие чувства сейчас одолевают её. Ей жаль, что Петя покидает их, ведь с ним веселее, она привыкла к нему, к его заботе, помощи, к его преданному взгляду. Его чувства понятны, он и не пытается их скрыть. А её сердце молчит.

Возможно, со временем его будет не хватать ей всё больше, и она напишет ему в письме то, что он так хочет сейчас от неё услышать. Она будет приходить к озеру и рассказывать ему свои переживания, как она скучает, как считает дни до встречи. А может быть, и наоборот. Валя сжимает губы, она думает о том, что нельзя давать обещаний. Кто там знает, что будет. Юность предлагает столько неизведанного. Впереди институт, новая жизнь. Как она сложится? Никто сейчас не скажет. Только время всё расставит по местам.

Диво дивное

30 июля, 1991 год. У касс ажиотаж.

— А до Дивеева нет билетов?

— А может дадут дополнительно автобусы?

Народ самый разнообразный на автовокзале в Нижнем. Но есть такие, что выделяются видом. Женщины в платочках, мужчины с бородами, дети, старики — все с рюкзачками, некоторые с посошками в руках. Жара, очередь без края.

— А есть билеты до Дивеева?

— Сколько вам нужно билетов?

— А что, есть билеты?

— Не морочьте голову! Будете брать?

Счастье в руках в виде бумажного талончика. В автобусе все до одного едут туда же, куда и я. Автобус трогается. Все, как единое целое, начинают петь «Царице моя преблагая», потом нараспев акафист преподобному Серафиму. Спрашиваю попутчиков, откуда они. Из разных мест. Из Мурманска, из Владивостока, из Питера. А будто сто лет знакомы друг с другом.

Всех переполняет ожидание чего-то великого, какой-то большой радости. Вновь после гонений на веру обретены и идентифицированы мощи одного из величайших святых России, преподобного Серафима Саровского. И они возвращаются в Дивеево. В многострадальный монастырь, разграбленный властями, которые разогнали и замучили насельниц и пастырей.

Водитель периодически невольно оглядывается на своих необычных пассажиров. Он не в курсе этих грандиозных событий. Не до того. В стране не пойми чего, зарплаты задерживают. А привычный рейсовый автобус сегодня наполнен уж очень непривычным людом. Весь автобус поёт. Что такое? Вроде не Первомай и не Восьмое марта! Чудаки!

За окном поля, перелески, скромная наша природа, маленькие деревни.

Ну вот и прибыли. Пыльная автостанция. Люди, люди с котомками, мешочками, рюкзачками. Многие из глубинки шли пешком с палатками. Некоторые выходили за три месяца до этого события. И дошли. Узнаю, что желающих приехать сюда было такое количество, что власти чего-то испугались, отменили поезда, перекрыли трассы. Нам повезло, пригородные рейсы не запретили.

Этот глубинный русский народ, что дошёл сюда с семьями, с детьми, ночуя в палатках, напоминал персонажей дореволюционной документальной хроники. Высокие крепкие бородатые мужчины в просторных рубахах, загорелые от долгой дороги под солнцем. Лица их не похожи на лица толпы. Каждый — индивидуальность, каждый значителен, в глазах каждого прямота и достоинство уверенного в своей правде человека. После городских толп в метро это особенно бросается в глаза. Там всё больше народ суетливый, с озабоченным видом, отсутствующим взглядом. Здесь будто другое время и пространство.

Женщины в ситцевых юбках, некоторые в народных блузках, приветливо объясняют дорогу, поздравляют с праздником. Достают пирожки, угощают детей — своих, чужих. Попадаются дамы в шляпках, с зонтиками от солнца. В отдалении похожий на юродивого дедок на коленях вслух читает Священное Писание. Некоторые останавливаются послушать. Немыслимая сцена для столицы, к примеру.

Ко мне подходит седой казак в своей парадной форме и доверительно, как дочери, говорит:

— Кошелёчек спрячь, девчонка, подальше! Мало ли что? Народ разный!

Благодарю. Но не верю, что кто-то что-то может своровать. Сейчас, когда я живу в Дивеево уже почти двадцать четыре года, могу сказать, что бывало всякое. И контингент, так сказать, очень разный приезжает. Но в тот день было явно, что здесь собрался цвет Руси, её сердце-

винный народ. В это смутное время, когда впереди маячили грозные события, страна оказалась на краю катастрофы, политические системы терпели крах, то путч, то расстрел «белого дома», — в этой сумятице люди вспомнили об истинном пути России, о пути к Богу.

У магазина причитает старушка:

— Стращали нас паловниками, мол, будут резать и грабить! А паловники-то хорошие какия! И с дитями приехали. А мы своих детей отправили в лагеря! Речку спустили, думали — топить местных будут!

Смешно и грустно. В местной газете писали о нашествии «страшных» паломников. Напугали людей.

Все спешат на монастырскую площадь. Среди разноцветной толпы выделяются сёстры монастыря в чёрных одеждах. Быстро, легко и радостно они пробегают, спеша на свои послушания. Кто-то в трапезную, там бесплатно кормят всех подряд, кто в храм, кто размещает прибывших священников. Они кланяются гостям и приветствуют:

— Христос Воскресе!

— Воистину воскресе!

Везде чувствуется приближающаяся радость в преддверии самого главного события — встречи ковчега с мощами. Возрождение Дивеева. Возрождение веры. Возрождение России.

Сегодня всё по-другому. В монастыре заборы, засовы, охрана на каждом шагу. Сёстры строги и отстранённы, их гораздо больше, много послушниц, трудников, чёткий регламент. Другой дух. Веяние перемен. Монастырь пережил много разного. А тогда было по-домашнему. Охрана — весёлые и добродушные казаки. Люди — счастливые участники великих событий, не замечающие усталости, зноя, голода и жажды. Пирожок и глоток воды из источника, больше ничего не надо! Ты сыт другим. В источник окунулся — будто заново родился!

Вот и духовенство. Архиереи на плечах несут ковчег по украшенной цветами и травами дорожке. Колокольный звон, мощно вступает хор. На дорожку выходит старенькая схимница, в руках подсвечник с той самой свечой, которая находилась у неё все эти годы безбожия. Свеча, которую благословил сам преподобный, которую сёстры монастыря хранили 158 лет, передавая друг другу. Протодьякон бережно берёт свечу из её рук. Незабываемый момент. Исполнение пророчеств, милость и надежда.

До ночи народ стоит перед вратами собора, желающие приложиться к мощам не толкаются, не шумят, не чувствуют утомления: они поют. Это не толпа, а собор единомышленников. Такого чувства единения и взаимной любви не припоминаю больше в своей жизни. Детей передают из рук в руки на помазание, ласково придерживая, и так же возвращают родителям. Один кудрявый молодой парень сильным красивым баритоном без устали солирует, вдохновенно запевает общеизвестные молитвы. Все подпевают. Он поёт и поёт.

— Дай тебе, Боже, золотой голос на всю жизнь! Молитесь, православные, за его горлышко! — восклицают бабушки.

Наконец мы в храме. Торжественно исполняют акафист. Весь народ с книжечками. И вдруг вижу знакомое лицо. Да это ж Владимир Заманский, известный актёр. Поём с ним вместе по одной книжечке. Он улыбается. Рядом мои друзья. Подходим к ковчегу. Чувства не передать словами!

Служба закончилась, но никто не расходится. Теплынь, ни ветерка. Кто-то расстилает пледы прямо на траве, многие читают правило ко Причастию. Вот кучка людей вокруг батюшки, он рассказывает про Дивеево. К мощам идут больные. Кричат одержимые. Их кропят святой водой, у мощей они затихают. Потом стало известно, что много исцелений произошло в те дни. Всю ночь шла исповедь, священники без сна и отдыха принимали покаяние бесконечного количества желающих.

Наутро Литургия, собор не мог вместить всех, поэтому она шла на крыльце. Причастие разливали в сверкающие золотом огромные чаши. Молебен. Многотысячный Крестный ход. Колокол, не уставая, разливает звон на всю округу. Летняя Пасха!

— Я хочу здесь жить! — говорит Ирина, моя подруга, солистка московского оркестра, скрипачка. Она с мужем-журналистом и сыном приехала сюда на торжества. Казалось тогда, что это минутный порыв творческой натуры. Но нет. Через некоторое время она продаст свою потрясающую скрипку за огромные деньги, и они с семьёй приедут сюда, в Дивеево, на эти деньги восстанавливать храм, муж её станет священником, знаменитым проповедником. А потом она подарит нам домик, и мы с семьёй тоже приедем в это удивительное место, где исполняются пророчества и судьбы России переплетаются с судьбами мира. Теперь Дивеево не узнать. Богатейший, прекрасный, огромный монастырь, преобразивший обычное провинциальное село. Но всё началось с того незабываемого дня.

Донат Петрович

Начинается всё с имени, а оно у него было необычное. Донат. Ни одного человека, которого бы звали так, я не встречала. Он преподавал у нас в московском вузе композицию на факультете моделирования женской одежды. Человек-вселенная. Каждое занятие с ним — открытие! Его задания были неординарны, он видел мир и человека в костюме как произведение искусства.

Первое впечатление первого сентября на первом курсе. Упитанный, седоватый, с небольшой бородкой, какой-то очень доступный, не страшный и не строгий. Внимательный взгляд, по-доброму изучающий тебя. На улице он всегда в неизменной беретке. Сразу понятно — художник!

Говорил он непрерывно. У него были свои собственные формулировки любых художественных явлений.

— Что мы делаем? Кто скажет? — обводит взглядом аудиторию. — Мы упорядочиваем хаос на отдельно взятом участке пространства.

Каждая лекция превращалась в философский трактат. А ведь мы просто занимались композицией. Он не терпел дилетанства и некомпетентности.

— Я иду в поход против псевдонауки в моделировании! Я кричу, как синица, которая хочет поджечь море!

До сих пор лежат у меня работы, выполненные на его занятиях. Вдохновение появлялось сразу после его лекций.

— Сегодня две темы: жара и холод. Самое жаркое, что может быть. Фантастический натюрморт. Самые горячие цвета, самый знойный колорит. И холод — мёртвые цвета, самые зябкие, вечная мерзлота, царство льда. Пейзаж замороженной планеты.

И мы его понимали и старались. После его объяснений просыпалась неуёмная фантазия. Потом были задания: «Зелёный шум», «Тяжёлое-лёгкое», «Свечение цвета», «Горение»…

— Ага! Что это Вы, голубушка, принесли? Я этого не задавал. Это называется «эффект прогульщика». Отлично. Вы это сами сочинили, но мы обяжем теперь остальных делать точно так.

Иногда он объяснял, как работать именно тебе.

— Композиция делается не так. Сильный человек должен бить расслабленной рукой, иначе он сокрушит всё вокруг! Надо вынуть из себя нежность и положить на блюдо. И линия запоёт! Ей ничего не останется!

Его точные советы, его глубокое понимание законов взаимодействия линий и цвета, тона и планов до сих пор помогают мне в работе, хотя я давно не занимаюсь костюмом и модой.

Потом мы узнали, что он пишет стихи. Что он женат на своей бывшей ученице, которая младше его почти на тридцать лет. И в этом случае никто не удивлялся, настолько он был интересный и своеобразный человек. Деньги его как-то мало интересовали. Они жили с тремя детьми в малюсенькой квартирке где-то в Свиблово, что ли. Но иногда он шёл на Ярославский вокзал и уезжал на электричке на родину, в Ярославль. Ностальгия. Он очень любил Ярославль, и как-то весной собрал нас, нескольких студентов, и повёз знакомить со своим городом. Там жила его сестра.

— В Ярославль надо ехать в мае, когда только-только берёза выпустит зелень из почек, — уверял Донат Петрович, — надо смотреть на Ярославль сквозь эти берёзовые побеги.

Это было открытие Ярославля, его удивительной, необычайно тёплой архитектуры с особыми какими-то уютными силуэтами куполочков, апсид, точёных главок на изящных подкупольных «барабанчиках». И Волга, её высокие берега. Дивный Тутаев. Толгский монастырь. Мы пешком обошли с ним город и окрестности. И увидели его с разных ракурсов таким неожи-

данным, приветливым, тёплым, лиричным, как сам Донат Петрович. Это был глубоко русский, природно русский человек. Как-то он поехал куда-то за границу как турист.

— Я еле дождался. Через три дня такая тоска по России нашла. Не мог там больше.

Мы уже тогда видели, что остальные преподаватели не могли сравниться с ним. Они строили свои занятия, пытаясь копировать его. Но это было так бледно! Донат Петрович много лет практически работал в домах моды, знал свой предмет с азов. Он не был чисто теоретиком, его знания были опытно выстраданы и помножены на талант. Он был неудобен, не вписывался в среду представительных вузовских педагогов. И ему завидовали, но он благодушно всё сносил.

А мы с ним могли обсуждать что угодно. Обо всём у него было личное мнение, любая тема его интересовала с самой неожиданной стороны. Знания у него были обширнейшие! Но мог и о простом девчоночьем поговорить.

— Донат Петрович, мне покраситься в блондинку?

— Обязательно! Надо все образы попробовать в молодости.

— А если я приду завтра другая?

— Мы примем тебя любой!

Он был очень деликатен. Нас укорял, когда мы на примерке булавкой попадали в кожу друг другу.

— Так нельзя! Надо чувствовать человечка! Не делать боли!

Всегда можно было с ним посоветоваться обо всём.

— Я ваши фамилии и не думаю запоминать, — говорил он девочкам, — смысл? Всё равно замуж повыскакиваете. Все на третьем курсе выходят замуж. Как верх справят!

На третьем курсе у нас по программе была верхняя одежда. Сами моделировали, сами шили. Верхняя одежда, действительно, преображала девушек. Что называется, это был законченный образ.

— Вы почему так долго?!

— Простите, простите! Так обед, Донат Петрович! Как мы без обеда?

— Обед уже час как закончился!

— Ну, очередь в столовке…

И он так грустно:

— Вы питаетесь моей жизнью.

— Донат Петрович, ну это участь любого педагога! — шутим мы беспечно.

Как он был прав! Мы пользовались его добротой, мягкостью.

Сейчас, вспоминая этого человека, я могу сказать, что он был, безусловно, масштабнее своего места работы, ему, скорее всего, была мала его должность вузовского преподавателя. Но он столько отдал нам своей души, так много и щедро одарил своим поэтическим чувством красоты, научил нас видеть её везде вокруг себя… Даже невозможно представить, что мы могли бы не встретиться в жизни с такой личностью. С таким настоящим уникальным педагогом.

Автор в социальной сети «ВКонтакте»:

Семён Бублик

Всем привет!

Я Семён Бублик, и это творческий псевдоним. Пишу активно не более трёх лет, в основном для социальных сетей, и по-прежнему считаю себя начинающим автором, а потому использую во всех своих текстах хештег #почти_литературное. Технически в писательском смысле я оснащён слабовато, но пытаюсь время от времени учиться литературному ремеслу.

Пишу ровно так, как думаю в данный конкретный момент. Но делаю это пока с явным удовольствием, сохраняя отношение к писательству как к увлечению.

Не так давно мои постоянные читатели рассказали мне про жанр, в котором я сейчас пишу чаще всего, и он называется «магреализм». Очень люблю своих серийных персонажей. Есть один из них, Водяной, про которого я написал уже больше двухсот текстов.

Искренне Ваш Семён Бублик.

Батя

Мне было восемь, а ему — шестьдесят, когда мы нашли друг друга. Не совсем мы, а скорее, они с моей мамой нашли друг друга. Но меня в день знакомства у него в гостях мама спросила: «Мы будем приходить туда ещё в гости?»

Гостями мы пришли туда ещё, наверное, пару раз, а на третий — остались насовсем. И мамин друг стал не только моим другом и батей, но и проводником по жизни, главным после мамы, конечно. Он гордился нами с мамой, а мы гордились им. И я отлично видел, как все его, а потом и наши общие знакомые завидовали, приходя в гости или встречая нас вместе вне дома.

Мой батя, которого я называл по имени-отчеству и обращался на «Вы» все 18 лет нашей совместной жизни, передал мне все ключевые навыки: от рисования лиц и понимания нюансов классической живописи до отношения к людям любого пола, как к себе. Мой батя очень любил нас с мамой, наших родственников, ближний круг своих и наших общих друзей, людей и жизнь вообще. И все, как правило, отвечали ему взаимностью.

Я хорошо помню, как они с мамой спорили про некоторых общих знакомых с завода, где они работали. Мама моя, обладая острой интуицией и быстро вникая в суть событий и людей, давала свои категорические и порой очень жёсткие оценки некоторым коллегам. А батя, в целом соглашаясь с аргументами любимой женщины, находил-таки одно-два качества в каждом человеке, которые, если не ломали эту характеристику, то делали её не такой уж однозначной.

Например, мама говорила, что некий Т.И. по отзывам многих коллег и с ней в общении, мягко говоря, очень нехороший человек. А батя к этому вдруг добавлял, что «этот Т.И., между прочим, очень любит свою пожилую и больную маму, и он явно сильно поменял стиль общения с тобой, после того как мы поженились». Мама пыталась последний аргумент расценить как проявление лицемерия, а батя называл это гибкостью и пониманием того, с кем можно быть грубым, а с кем категорически нельзя. Они ссорились и даже расходились в разные комнаты, а потом, конечно, достаточно быстро мирились. Причём, первым всегда приходил мириться батя со словами: «Ты, безусловно, была права, но мне с этим человеком работать, и лучше я буду знать, что он хороший сын, чем понимать, что он ещё циник и подонок».

И, кстати, большинство таких негодяев на самом деле с удовольствием поворачивались к моим родителям своими самыми лучшими сторонами. В итоге этот навык находить в каждом знакомом его лучшие человеческие и деловые качества и акцентировать именно на них своё внимание, мама, и я с ней вместе, переняли от бати. И очень долго нашей любимой присказкой была фраза о том, что «хорошим людям всегда везёт на хороших людей».

Отдельно хочется отметить, как мой батя с удовольствием играл в… шашечные поддавки. Особенно с моими дядьями, очень неплохими шахматистами. В этой игре был особый шарм. Она требовала не меньшего просчёта ходов, чем сами шашки, но генерировала очень небанальный стиль мышления, необходимый часто в жизни не меньше стандартного. Этот небанальный образ мыслей позволяет мне всю жизнь никому ничего не доказывать про себя, не соревноваться ни в чём, ни с кем, а просто быть самим собой, каким всегда был батя.

Я могу ещё долго и с удовольствием рассказывать про батю, про его личное участие в ключевых событиях моей жизни: от поступления в институт и выбора основной профессии до выбора единственной жены, с которой мы вместе скоро уже 36 лет. Одно могу только добавить, что когда я повзрослел, все его родственники в один голос заговорили, что я и внешне, и по характеру больше его родной сын, чем своего родного отца, от которого мы с мамой уехали, когда мне было почти три года.

Светлая память о близких живёт в нас всегда, а батю мы с женой вспоминаем не реже, чем маму, ушедшую 10 лет назад, через 22 года после него.

Сёмка с мамой и грибники

(из детских воспоминаний)

Почти четырёхлетний Сёмка ехал с мамой в её служебной машине и гордился мамой, машиной и собой. Они ехали уже обратно из большого города в своё маленькое Смоленское Тёмкино. Мама ездила туда по делам и в этот раз взяла с собой Сёмку, чему он радовался и сладко подрёмывал, раскачиваясь рядом с мамой на заднем сидении громкой зелёной машины, которую дядя-шофёр почему-то называл «Козлом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.